

АЛЕКСАНДРА ТЕЛЬНЫХ

12+

ШАХМАТЫ ДЛЯ ОДНОГО

Александра Тельных
Шахматы для одного

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Тельных А. Д.

Шахматы для одного / А. Д. Тельных — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Наше время, мир , наполненный магией. Династия хранителей (правительство магов, взаимодействующее с высшими формами жизни на других планетах, в том числе) и семья вампиров сталкиваются с разрушением нормального функционирования Вселенной как единого организма. Перед ними противник, у которого нет ни союзников, ни очевидной стратегии, ни оружия, ни имени, только умение вводить других людей в иллюзии, основанное на умении задействовать свой ум на 100%. Им придется восстановить баланс во вселенной, преодолев сомнения, отказавшись от привязанностей , твердо следуя пути долга.

© Тельных А. Д., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Шахматы для одного
Часть первая. В начале было...

От автора

Никогда не сталкивалась с задачей более сложной, чем написание предисловия. Вы взяли книгу с книжной полки, но значит ли это, что вы обязательно ее прочтете? Нет, вы откроете ее на первой попавшейся странице, пробежитесь глазами, и только тогда определите для себя, что стоит сделать дальше с книгой – поставить обратно на полку или прочесть от корки до корки. Одного увиденного слова хватит, чтобы вы судили произведение автора, вершили его судьбу. Слово обладает огромной силой, о которой мы порой даже не задумываемся. Так как же создать такое предисловие, после которого у вас возникло бы не просто желание прочесть всю книгу, но вы почувствовали бы в этом острую необходимость, потому что увидели в ее строках что-то родное и близкое для себя? За многие годы писательского опыта мне стало определенно ясно одно – лучшие помощники автора – честность, искренность и открытость. Дорогой друг – читатель, я, следуя этому золотому для меня правилу, буду говорить прямо. Я бы хотела, чтобы эта книга не только скрасила пару ваших вечеров, а чтобы она побудила в вас мыслительный процесс, чтобы она воодушевила вас на подвиги, вселила в вас надежду, обогатила ваш внутренний мир, чтобы она оказалась вам полезной.

Глава 1.

Теперь я снова намерен взяться за перо
и стать самым узким из всех узких специалистов –
так называемым человеком широкого кругозора.
Это не парадокс парадокса ради,
в конце концов, жизнь видишь лучше всего,
когда наблюдаешь её из единственного окна.
Ф. С. Фицджеральд

Приступая к описанию произошедших событий в нашем весьма заурядном городе, мой дорогой читатель, я вынужден начать издалека из-за одного лишь удивительно-поражающего и ежедневно-бытующего факта. Дело вот в чем, подобные рассказы привыкли считать выдумкой и созданием совершенно типичном в своем роде, ничем не примечательным (что, разумеется, ранит душу рассказчика) и, самое великолепное, полагают, что все написано исключительно ради забавы. Дорогой читатель волен воспринимать эту историю как ему будет угодно, однако, не желая оказаться в столь конфузном положении, я прошу вас отнестись к повествованию серьезнее. Но, не смею более отвлекать вас своей пустой болтовней – пора за дело приниматься.

Знакомство мое с семьей Трубецких произошло при весьма обычных обстоятельствах, так что едва ли стоит рассказывать об этом публике. Необходимо сказать, что некоторую странность, а лучше выразиться, особенность этой семьи я заметил не сразу, настолько радушными и приземленными они показались мне в первые дни встречи.

Петр Алексеевич Трубецкой – человек старых порядков, дворянская голубая кровь текла по его венам и, кажется, промочила кости головного мозга. Изысканные манеры, которым раньше обучали годами и которые с таким трудом приживались в молодых людях, родились вместе с ним – прямая спина, положение рук, приподнятая голова, всегда безупречный костюм. Подавать руку даме, красиво говорить и вдумчиво молчать – все это выходило у него так легко и естественно, что ты невольно чувствовал, как оказывался в прошлом веке и вел себя, точнее пытался вести себя так же, как и этот поразительный мужчина. Брал Петр Алексеевич не только

высокой степенью воспитанности, но и внешностью, безусловно, привлекательной: высокий открытый лоб, приподнятые черные четкие брови, опущенные близко к носу; широкие скулы и тонкие губы уголками вниз; глаза карие и взгляд орлиный, такой, что способен за секунду заставить все внутренности собеседника переворачиваться (отсюда, кстати, и нежелание всех при разговорах с Петром Алексеевичем смотреть ему в глаза). К слову сказать, вышел один случай лет десять назад со старшим Трубецким: был он на ужине у некой знаменитой леди по поводу ее именин. Там, конечно, собралось приятнейшее общество: политики, полицейские, врачи, журналисты, как и полагается перед большим празднеством. Среди этих лиц нашелся один священнослужитель, с которым у Петра Алексеевича завязался не то спор, не то просто разговор о религии и вере. В разгаре диалога несчастный священник, не найдя ответа на острое веское слово Трубецкого, кинул оппоненту пламенный взгляд, который был встречен прямым глубоким уважением с примесью снисхождения в глазах Петра Алексеевича. Испуганный священник увидел в глазах Трубецкого дьявола во плоти, чуть было не сошел с ума и через неделю в день святой Пасхи не пустил в церковь. «Пренеприятнейшая история» – плююсь и фыркаю, вспоминал Петр Алексеевич. Позже, мой читатель, ты поймешь нелепость всей ситуации и посмеешься вместе со мной.

В семье Трубецкого росло четверо замечательных деток: три девочки и младший мальчик. Жена его, Александра Михайловна, в девичестве Остальцева, любила детей без памяти и заботилась о них много больше, чем о муже, этот факт воспринимался супругом абсолютно спокойно, так как он сам достаточно часто утопал в заботах о детских нуждах, не оставляя сил на жену. И я смело могу утверждать, что не видел брака столь же удачного и гармоничного как этот. Оба супруга души не чаяли друг в друге и, знаю точно, никогда в жизни не находились друг с другом двадцать четыре часа в сутки, их всегда разделяли или рабочие дела, или друзья, или дети. «Неужели необходимо человеку чтобы жена то и дело маячила перед его глазами? – сидя в своем кожаном кресле и потягивая трубку, удивлялся Петр Алексеевич, – Все это чушь, что смысл брака в постоянном нахождении двух людей вместе неразлипно, как жвачка и персидский ковер. Разве кто-нибудь захотел бы потом такую жвачку? Совершенно верно, такую гадость не станет жевать последняя собака на улице. А ковер ничем не лучше жвачки, он вроде бы все еще персидский, но уже с дефектом, и относится к нему, как к дорогой вещи не будут, а привычки у него остались барские. И выходит, что кроме убытка и расшатанной нервной системы они друг другу ничего не принесли. Вот вам, дорогой мой друг, чья участь больше подходит ковра или жвачки? Вы бы кем предпочли стать? – прищуриваясь, спрашивал Трубецкой и выпускал дым, который тут же заполнял свободное пространство между головой Петра Алексеевича и потолком, я качал головой, – А, – хитро протягивал он, – Видите, не блестящие перспективы. Так умнее же надо быть и разлепяться с супругой. А если вам необходимо находится с ней только для того чтобы контролировать ее поведение с другими особями мужского пола и разговоры с подругами, то можете купить в магазине маячок, прослушивающее устройство и мозги, – смеялся Трубецкой и снова делал большой вдох табачного дыма, – ибо большего глупца я не встречал!».

Рассуждения Петра Алексеевича были довольно наблюдательны и остры и как нельзя точно совпадали с представлениями о браке Александры Михайловны. Но я смею заметить, что даже если супругу Трубецкого вдруг постигла участь жвачки, она бы не потеряла своего очарования.

О красоте и очаровании бывшей жены Петра Алексеевича в нашем городе ходили легенды, и, когда мир узнал о ее помолвке, многие парни просто сошли с ума. Она была сложена прекрасно – остро прочерченная талия, высокая грудь, стройные ноги, непременно спрятанные под юбкой в пол. Ее восхитительное лицо обрамляли всегда убранные в пышную прическу длинные темные волосы, глаза цвета точно такого же, как у супруга, смотрели на вас с любовью и доброжелательностью. Надо думать, что в крови Трубецкой текла кровь не только

славянская, но и восточная, что и делало ее такой обворожительной. Характер у нее был простой и понятный, ум ясный и острый, образование – высшее, а мудрости многим больше, чем у супруга, который, помним, являлся человеком преумнейшим. Словом, идеальная жена, и она досталась идеально подходящему для нее человеку. Благодаря хозяйке в большом доме Трубецких всегда было тепло и уютно и никогда одиноко, поэтому он чаще всего был полон гостей – приходили родственники, друзья, близкие и не очень, друзья друзей, и всем были здесь рады. Петр Алексеевич окружал свою семью только надежными и порядочными людьми, другие на пушечный выстрел не смели подойти к их особняку.

Но вернемся к детям, потому как ради них и затевалось мое повествование. Старшую дочь звали Евгения, она была прехорошенькая и никак не соответствовала генам родителей. Светловолосая, зеленоглазая, она больше походила на мать своего отца, который с первого взгляда понял, в кого уродилось дитя, и с плохо скрываемым ужасом ждал, когда проявится характер бабушки. Не подумайте, читатель, что Петр Алексеевич не был доволен своей матерью, он любил ее всем сердцем, но «нельзя отрицать, что характер у нее был не самый лучший». Стараясь избежать такой участи для первой дочери, Трубецкой проводил с ней как можно больше времени, воспитывая так, как не воспитывали его мать. К счастью, отцу удалось победить в тяжелой схватке с биологией, и дочь росла послушной, но иногда система давала сбой, и приходилось читать нравоучения юной леди.

Вторая дочь родилась ровно через десять месяцев после первой и была как две капли воды похожа на отца, чему он нарадоваться не мог. Ольга, а именно так назвал ее Петр Алексеевич (имя для первой малышки выбирала Александра Михайловна), красотой еще в детстве обещала превзойти родителей: темные пышные волосы, всегда заплетенные в длинные косы, темные глубокие глаза, в которых читалась строгость и осознанность, превосходно сложенная фигурка была легка и резка в движениях. Ольга была очаровательна и, кажется, родилась уже воспитанная. Ей ничего не приходилось объяснять, она как будто видела, как делают родители и сестра, и повторяла за ними. У Петра Алексеевича было мало времени теперь для воспитания дочери, поэтому Ольгой занималась только супруга. Но, кажется, смысленная девочка всегда понимала, что отец любит ее немного больше, чем Евгению, и никогда не упрекала его в постоянном отсутствии. А, может быть, Петр Алексеевич, понимая, что есть любимый ребенок, чтобы не обидеть другую стал реже появляться в детской. В любом случае, Александра Михайловна все понимала и поддерживала супруга, так же как и он ее.

Через два года они решили, что в семье не хватает мальчика, однако родилась Юлия. Девочка была похожа на свою тетю по маминой линии, черты лица породы Остальцевых – острый подбородок, черные брови домиком, кудрявые волосы каштанового цвета. Как и старшая дочь, Юля была мало похожа на родителей, так что едва ли можно было решить, что все три девочки – дети этой молодой пары. Петр Алексеевич и Александра Михайловна не могли не нарадоваться на свой счастливый брак.

Прошло десять лет с момента рождения первой дочери прежде чем Александра Михайловна родила Петру Алексеевичу наследника, хотя не совсем понятно, что именно должен был унаследовать мальчик от своего отца, но Петр Алексеевич первые три года называл сына только «наследником» и никак иначе. Василий Петрович рос в обществе дам, но имел с самого детства характер сильный и крепкий, характер истинного мужчины. Отец обучал его всему, что умел сам, начиная ремонтом часов и заканчивая актерским мастерством. Так что к семи годам парень уже водил автомобиль, не позволял себе сидеть, когда дама стоит, знал, что курить плохо, но отцу можно, и великолепно говорил по-французски. О внешности Василия, думаю мне, не стоит много говорить, он был истинным сыном своей матери – ее глаза, ее нос, ее губы. Как и все мальчики в подростковом возрасте Василий был немного непропорционально сложен – худощавые тело держало на себе большую голову, но крепкие ноги обещали рост мальчика как минимум сто девяносто сантиметров.

Такой гармонии в семье, какая была в семье Трубецких, могут позавидовать даже Ростовы и Болконские. Воспитание проходило по одному и тому же плану все четыре раза, по характеру дети получились совершенно разные, но гармонии в семье это не убавило.

Однако, читатель, история, о которой я хочу вам поведать началась, когда Евгении Петровне исполнилось двадцать четыре года. Тогда будучи студенткой юридического университета, на последний год своего обучения она, используя всю силу своего дворянского характера, после долгих уговоров и убеждений в собственной самостоятельности твердого и заботливого отца, была отправлена в университет Лос-Анджелеса. Заканчивала она, разумеется, с красным дипломом и без малейшего желания работать по полученной и прежде такой желанной профессии. Впрочем, в возрасте двадцати пяти лет она должна была бы принять наследство отца и встать на его место в компании, но эта судьба никак не отвечала свободолобивой и непостоянной натуре Евгении. Там, за пределами родной страны, она рассчитывала найти что-то естественно принадлежащее ее душе, и так увлеклась этим, что не появилась дома за целый год ни разу. Беспокойные родители приняли решение отправить погостить к сестре двух младших дочерей, а такие гости, как известно, могут неосознанно, но крайне полезно сыграть за команду старших Трубецких. Ольга, разумеется, угадала истинную цель своего путешествия на выпускной к старшей и любимой сестре.

Я зашел в дом Трубецких как раз в день отъезда юных красавиц.

– Должно быть, я не вовремя, Александра Михайловна, – сказал я, стоя посреди гостиной в их загородном доме.

– Нет, нет, дорогой друг, – с присущей искренностью и некоторой усталостью в голосе произнесла хозяйка, – Мы всегда вам рады. Присаживайтесь, девочки собирают вещи, а Петя, – Александра Михайловна внезапно замолкла, но некоторое время еще губы ее шевелились, она прочистила горло и продолжила говорить так же неожиданно, как и закончила, – Петр Алексеевич в гараже. Вам чаю или кофе?

Александра Михайловна проводила меня в гостиную и усадила за стол причудливой геометрической формы из увесистого благородного дуба. Поверхность дерева была отшлифована и залакирована, блики от света старинной люстры играли на крышке и резных ножках стола.

– Не стоит вам беспокоиться, я просто зашел посудачить с вашим супругом.

– Разве вам приходилось когда-нибудь судачить без чашки зернового кофе, недавно привезенного мной из далеких стран Африки? – кокетничая, Александра Михайловна поставила на плиту турку.

– Вы, правда, привезли его из Африки?

– Конечно, – повышая голос, ответила хозяйка, – конечно, нет! Девочки ездили утром за покупками, ручаюсь, они не схватили первый попавшийся.

Александра Михайловна угостила меня булочками, которые она также лично не испекла. Мы завтракали и смеялись.

Прошло около получаса, когда в проходе мелькнула здоровая фигура старшего Трубецкого.

– Рад тебя видеть, Мюнзаузен! – загромыхал из коридора басистый голос моего друга.

– Петя, он много раз просил так не называть его, – Александра Михайловна плавно вышла из-за стола и направилась навстречу мужу.

– И я рад, председатель, – протягивая руку, отвечал я.

– Вижу, вы уже позавтракали, – оглядывая гостиную, произнес Петр Алексеевич, – Что тебя привело в наш дом?

– Я уже заметил, что явился не вовремя, и мне следовало прийти позже, однако ваша очаровательная жена настояла на моем присутствии здесь.

– И была совершенно права, – перебил меня хозяин дома, – Ты очень кстати, составишь мне компанию, чтобы мне, старику, не было возможности разрыдаться, когда я посажу девочек в самолет.

– Ты вовсе не старик, – улыбнулась Александра Михайловна и поцеловала супруга в щеку, – Но годы берут свое.

В доме Трубецких улыбка никогда не сходила с моего лица. Послышались легкие шаги маленьких быстрых ног, они направлялись в нашу сторону. Через считанные секунды перед нами образовалась маленькая и прехорошенькая Нэнэ (так еще в раннем детстве прозвали Юлию). Она прошла в гостиную, поцеловала мать и бухнулась в кресло, стоящее около меня.

– Пап, мы готовы, – пропела она своим тонким голоском и повернулась ко мне, – Здравствуй, барон!

– Привет, Нэнэ!

– Ты едешь провожать нас? – хитрым огнем запылали зеленые глазки Юлии.

– Да, Юлия, он едет с нами, но это не значит, что ты можешь стоять глазки человеку, который учил тебя читать, – укоризненно посмотрел на нее Трубецкой.

– Не говори глупостей, папочка, – отмахнулась Нэнэ, – мы ждем вас в машине, – она послала нам воздушные поцелуи и вышла из гостиной.

– Что ж, дорогая, значит, нам пора, – Петр Алексеевич обнял супругу, а затем хлопнул меня по плечу, как бы призывая идти за ним.

Я уже собирался переступить порог известного дома, как меня окликнул женский голос. Я повернулся. Наверху лестницы с чемоданом в руках стояла старшая сестра Юлии. Ее слегка вьющиеся длинные темные волосы были откинута назад, так что я мог увидеть прекрасное лицо с выраженными скулами и карие глаза, которые смотрели прямо в мои. Ольга степенно спускалась по лестнице.

– Приятно видеть вас здесь! – обворожительно улыбнулась мне Ольга, спускаясь.

Я быстро взлетел по лестнице вверх и забрал у нее чемодан.

– Это случайно вышло, я зашел к твоему отцу поболтать.

– Знаю я, о чем вы болтаете, – подмигнула Ольга, хотя она не знала ни одной темы наших разговоров с ее отцом, – Отец...

– Он уже ждет нас в машине, – опередив ее вопрос, отвечал я.

Спускаясь по закругленной лестнице и направляясь к машине, мы обсуждали, как различаются культуры Европы и Америки, как подобрать чемодан к лимонным балеткам, и к чему, в конце концов, приведет внешняя политика государства. Клянусь, я едва ли встречал более милую и умную девушку, разве что ее мать обладала непревзойденными талантом обескуражить и внешностью, и интеллектом.

– Барон, в багажник сумки поставишь, – высунувшись из окна автомобиля и щурясь от солнца, пропела Юлия.

– Как скажите, мисс, – подмигнул я и приступил к выполнению задания.

Раздался звук закрывающихся дверей гаража, и большая мужская тень побежала вслед за хозяином по широкой каменной дорожке.

– Не успел я сделать два шага от машины, как вы уже составили целый список дел нашему гостю, – подойдя к нам, сказал Петр Алексеевич и принялся мне помогать с укладкой.

– Отец, – обратилась Ольга, которая стояла по правую сторону от меня, – мне сесть за руль?

– Не стоит, Ольга, – Трубецкой захлопнул багажное отделение и открыл дверь в салоне для дочери, – сегодня тебе еще понадобятся силы.

Когда все уселись, Петр Алексеевич повернул ключ зажигания, машина заревела, сорвалась с места и помчала нас туда, где люди могут летать.

Глава 2.

Так сладок мед, что, наконец, он горек.

Избыток вкуса убивает вкус.

В. Шекспир

Удивительная вещь сны! Кто и когда мог бы сам решить, что ему сегодня приснится? Я сам не раз пытался настроить свое подсознание на необходимую мне волну, даже иногда выходило, что мне снилось желаемое, но все это не больше, чем элементарные совпадения. Человек чрезвычайно любит разгадывать загадки, и, наверное, природа обеспокоилась этим, решив составить пару-тройку головоломок, которыми люди смогут баловаться, по меньшей мере, до скончания времен. Однако, комично так выражаться, потому что ответ и на вопрос – когда наступят эти "скончания времен" и наступят ли вообще-природа тоже заточила в сундук с табличкой "секрет".

В ночь перед поездкой в Лос-Анджелес, в ночь перед моим последним приходом в дом Трубецких, Ольге снился аэропорт. Они с Юлей уже сидели в зале ожидания, смотрели на снующих туда-сюда людей. Крупными мазками ее подсознание рисовало картины посадки на рейс и взлета самолета. Среди серых костюмов и уставших лиц ей запомнилась улыбающаяся мордашка мальчика лет двенадцати с короткими каштановыми волосами, торчащими кверху, яркими и яркими зелеными глазами, которые приковывали к себе. Курносый нос парнишки и простая одежда, висевшая на его тоненьком теле, заставляли ждать ребячества и озорства, но осанка... Осанка всегда выдает людей! Его худые плечи смотрели в пол.

Полет продолжался не больше, кажется, минуты, как началась безумная тряска, поднялся шум, самолет наклоняло то влево, то вправо, пока не стали с верхних полок сыпаться сумки и падать на головы. Все виделось Ольге мутными пятнами, кроме того мальчика. Он встал со своего места, подошел к аварийному выходу, посмотрел на салон самолета так, как будто бы он знает, как всех спасти, – взглядом мертвым и добрым. Дверь перед ним вырвало от сильного толчка, в следующую секунду мальчика в самолете уже не было. Выпрыгнул!.. Сон прервался, и это было лучшее, о чем могла просить Ольга.

В то самое время, когда она упаковывала последние вещи для поездки, я уже сидел в гостиной дома.

Если мой читатель когда-либо бывал в аэропорту, то, наверняка, помнит эту душную атмосферу толкотни локтей и приятное ощущение только что проехавшего по ноге колеса чемодана. А дурманящий запах кофе, захватывающий все свободное пространство? Разве это не самое чудесное и восхитительное место для возникновения желания больше никогда никуда не летать, а путешествовать только на собственном транспорте?

Когда мы припарковали машину недалеко от входа в одну из дверей аэропорта Шереметьево, был уже второй час дня. Солнце раскаляло усталый асфальт в квадрате километр на километр асфальт.

– Не знала, что снимают еще одну часть Трансформеров, – захлопнув дверь и осмотрев парковку, сказала Юлия.

– Спасибо, пап, – поблагодарила Ольга, – Дальше мы сами справимся. Вам не обязательно идти в зал. Регистрация заканчивается через полчаса, мы все быстро пройдем и позвоним перед посадкой.

Вытащив сумки из багажника, Петр Алексеевич крепко обнял своих дочерей, пожелал им удачной дороги, дал с дюжину важнейших напутствий, как и полагается примерным отцам. Распрощавшись, девочки двинулись в сторону стеклянных крутящихся дверей. Серый зал аэропорта кишил людьми, они бегали туда-обратно в поисках нужных им регистрационных стоек. Кажется, все до одного в этом здании потеряли какую-то важную вещь и отчаянно старались ее найти, именно поэтому так пристально смотрели в пол, а не вперед. Их хмурые лбы

отображали вселенскую печаль и проблемы правителей мира. Стуча черными, серыми, коричневыми каблучками, мужчины и женщины перебегали из одного зала в другой, с одного этажа на другой, кричали друг на друга, били друг друга, прятались друг от друга среди других прячущихся людей. Была пара смеющихся лиц, но ее унесло очередной волной провожающих. Среди пестрой и унылой толпы, разливающейся по всему данному ей пространству, Ольга заметила знакомое личико мальчика, его плечи смотрели в пол, нос вверх, а глаза вперед. Это был тот самый мальчик из сна. Мелкая дрожь пробежала ее лицу, она пошла навстречу этому мальчику, сама не зная зачем. Мальчик был не один, на руках он держал маленькую девочку, а позади него плелся большой мужик, небритый и злой. Он громко ругал мальчика, девочка от его криков периодически плакала, но мальчику удавалось быстро ее успокаивать. Ольга подошла близко к мужчине, который был их отцом (не может же взрослый человек называть незнакомого мальчика сыном).

– Почему вы так грубо разговариваете со своими детьми? – выпалила она без всяких слов приветствия и пожеланий доброго дня.

– Не твое дело, – рявкнул отец ребят и пошел по своим делам, продолжая ругать за что-то сына.

– Извините его, – мальчик посмотрел своими добрыми и взрослыми глазами на Ольгу, улыбнулся и побежал вслед за отцом, который пошел не в ту сторону.

– Странно все это, – пробормотала Ольга.

Но я ничего странного в этом, честно говоря, не вижу.

Регистрация прошла быстро, быстро самолет преодолел расстояние между Москвой и Лос-Анджелесом, быстро пролетели двенадцать часов в небе. Посадка была мягкая, особенно для тех, кто ее проспал, и в таком полусонном состоянии сестры вывалились из душного белого самолета в полный радости незнакомый аэропорт. Все здесь было по-другому: стены, полы, потолки, кресла, двери, люди. И все это отвлекало нас от происходящего.

В центре зала стояла очаровательная пара. Молодая девушка с русыми кудрявыми волосами по пояс в синем платье обнимала высокого черноволосого парня в брюках и пиджаке с заплатками на локтях. Это была старшая дочь Трубецких с человеком, о котором она в своих редких сообщениях всегда говорила. Ольга и Юля, заметив их, ускорили шаг навстречу. Пылкие объятия, радостные приветствия, расцелованные щеки и носы потрясли всех встречающих своей необыкновенной громкостью. Вдоволь наобнимавшись, девочки обратили внимание на стоящую рядом и ожидающую мужскую фигуру.

– А кто этот симпатичный молодой человек? – сверкая глазками, спросила Юля.

– Это Джек. Джек, это Ольга и Юля, – улыбаясь от уха до уха, ответила Женя, прижимаясь к правой руке парня.

– Приятно, наконец, с тобой познакомиться, – Ольга протянула руку и приветственно пожала ладонь Джека.

– Девочки, дом вас ждет.

Женя торжественно вручила Джеку все сумки сестер, подхватила девочек под руки, встала между ними, и они вместе поскакали к машине, громко болтая и неустанно смеясь.

– Оля, студенческий совет и декан нашего факультета попросили меня организовать выпускной бал в стиле самых пышных и роскошных балов девятнадцатого века в России, – сообщила Женя, повернув свою кудрявую голову в сторону заднего сидения.

– И зачем декану твоего университета нужен бал? Да еще и такой, которого не было уже два века? – удивилась Юля.

– Как же ты не понимаешь? – воскликнула Евгения, – Это огромная возможность обменяться национальной культурой, погрузить их в атмосферу.

– Это прекрасно. Тебе нужна моя помощь? – спросила Ольга и продолжила смотреть на меняющиеся картинки за окном.

– Нет, вообще-то я уже все сделала и все приготовила. Необходимо добавить только две детали, – Женья хитро посмотрела на сестер, и голос ее стал выше.

– Какие еще детали? – подозрительно спросила Юля.

– Вас, девочки! – радостно объявила она.

Младшая Трубецкая вскрикнула от восторга, а Ольга шумно и недовольно выдохнула.

– И когда будет этот бал?

– Завтра, – коротко ответила Евгения.

– Завтра?! – переспросила Юлия и захлопала в ладоши.

– Завтра... – тихо и грустно повторила Оля и продолжила наблюдать за дорогой.

Тем временем автомобиль уже привез их к крыльцу двухэтажного кирпичного дома, который принадлежал семье Джека Дейли. Женья собиралась снять его на время своей учебы.

Кирпичный дом цвета дерева стоял на окраине Лос-Анджелеса. Сделанный в готическом стиле, с четырьмя острыми крышами и небольшими колоннами при входе, он занимал почетное место в памятниках архитектуры города. Дом был окружен клубами с самыми разными цветами. Внутри все было чисто и светло, много света и воздуха. Женья перенесла в этот дом все тепло, которое Александра Михайловна вкладывала в своё хозяйство и свою семью. Все тут дышало заботой, любовью и новыми делами. Словно трое великанов, три широких дивана, обтянутых темно-коричневой кожей, сидели покоем в центре ярко-белой гостиной, уставившись на квадратный молодой стол-трансформер. Белый стол был низкого роста, и, вероятно, очень боялся великанов и огромного многоярусного круга над своей головой, которого мы с вами называем люстрой. Круг образовывали сцепившиеся за руки двухцветные цилиндры, люстра свисала довольно низко и диаметром была не меньше метра. За диванами в нескольких метрах стоял камин из белого камня, на своих плечах он гордо хранил семейные фотографии в разноцветных рамках. Женья с сестрами, совсем малышками, сидит у папы на руках, и три пары их круглых глаз испуганно смотрят в камеру, тут же и фотография школьного выпускного, вся семья вместе. Четыре черно-белых снимка с Женей и Джеком на конной прогулке, и еще несколько портретных фотографий старшей Трубецкой. Около камина лежал пушистый, словно персидская кошка, ковер, и все называли его персидским, хотя на самом деле он был очень американским. Но ковер не обижался, он вообще не задумывался о своем происхождении, просто лежал и смотрел на огонь, играющий в камине. За камином комната делалась на две части, справа располагалась кухня с множеством шкафчиков и овальным деревянным столом для готовки и больших пиршеств, а слева во всю стену зеркальный шкаф и лестница на второй этаж. Все пять спален и две ванные комнаты находились наверху. Эта стандартная планировка европейских домов оказалась по душе новой хозяйке.

Женья и Юля отправились на кухню, а Джек и Ольга, увлекшись беседой, остались в гостиной, даже не заметив отсутствие девушек.

– Поддай соковыжималку, – попросила Женья, указывая на один из шкафов взглядом.

Юля поспешно открыла дверцу и, фыркнув, произнесла негромко:

– Зачем тебе в доме эта штука? Неужели нельзя в кафе сока попить?

Женья взяла из рук сестры аппарат и, нежно улыбаясь, ответила:

– Мы же сейчас не в кафе, а сок будет.

Она стала очищать фрукты и аккуратно складывать их в ёмкость. Юля застыла на несколько минут, наблюдая за ловкими движениями рук сестры, а потом выпалила:

– Он милый.

– Банан? – усмехнулась Женья.

– Банан... Джек! – крикнула Юля и быстро закрыла рот рукой, испуганно оглянувшись и убедившись, что ее крик не привлёк лишнее внимание, – Он говорит по-русски?

– Да, как ты на французском, – посмеялась Женя, – Мы чаще разговариваем на английском. Кстати, ты хорошо преуспела в изучении языка. Два года назад уровень знания и владения языком был так себе, а сейчас говоришь быстрее меня.

– Два года назад многое было по-другому, – задумчиво протянула Юлия.

Женя вздрогнула и напряженно спросила, отведя взгляд от сестры:

– Как отец?

– Как отец, – пожала плечами младшая Трубецкая, – не меняется. Ждет тебя. Семейное наследие и все такое...

– Я знаю, поэтому и стала реже звонить. Семейное наследие, – обреченно повторила Женя и приказала, сунув сестре поднос с обедом, – Отнеси это на стол.

Юлия подхватила поднос и, пританцовывая, отправилась в гостиную, где разгорался серьезный разговор между Джеком и Ольгой.

– Получается ты говоришь на английском, русском, французском, итальянском, испанском, – загибая пальцы, перечислял Джек, восхищенно глядя на Трубецкую.

– Латыни, – дополнила Ольга.

– А зачем тебе латынь? – поразился Дэйли.

– Для работы, я же юрист.

Джек хитро растянул губы в улыбке.

– Мне как раз нужен хороший юрист в мой издательский дом. Как ты насчет переезда в Лос-Анджелес?

Ольга отрицательно замотала головой и произнесла, учтиво:

– Вынуждена отклонить твоё заманчивое предложение. Нужно закончить учебу, и еще много семейных дел.

– Если все-таки передумаешь, скажи, предложение всегда в силе, – сказал Джек, – Почему именно юридический?

Ольга округлила глаза, вскинула бровь и, стряхнув с плеч напряжение, ответила:

– У нас что-то вроде семейной династии юристов. Разве Женя не рассказывала?

Джек встрепенулся и с ухмылкой продолжил говорить:

– Хотел услышать это от кого-то еще. Все трое учитесь на юридическом. Удивительно, – протянул он, – И всем троим одинаково интересна политика и закон?

– Как видишь, Женя предпочитает устраивать балы.

И оба залились звонким смехом.

– Но я, правда, чувствую, что это моя стезя, – успокоившись, сказала Ольга.

Влетев в гостиную, Юля звучно объявила:

– Свежевыжатый сок и штрудель. Ничего не трогать, пока мы не придем.

– Слушаюсь, – посмеялся Джек и помог поставить поднос на стол.

Юлия сдобрила его и сестру пристальным взглядом, изучая их лица и настроение. Затем довольно хмыкнула и упорхнула обратно на кухню, не произнеся более ни слова.

– О чем они говорят? – с плохо скрываемой тревогой в голосе спросила Женя едва появившуюся в дверях Юлю.

– О чем может говорить Оля? – саркастически спросила она.

– Об образовании?

– О законе.

Женя облегченно вздохнула и продолжила собирать столовые приборы.

– Ты выбрала компанию для стажировки? – поинтересовалась Женя.

Юля поникла.

– Я выбрала кастинги для съемок в фильмах, а компанию мне Ольга найдет.

– До сих пор не понимаю, зачем они отправили тебя на юридический, – разочарованно развела руками старшая Трубецкая, – Можешь попробовать здесь пройти кастинг, их большое количество.

– Давай лучше поговорим о вас, – сказала Юля и ее глаза вновь загорелись игрой и жизнью.

– Что тут говорить? Я хочу замуж.

– О боже! Он уже сделал тебе предложение? – воскликнула Юля и подпрыгнула от восторга.

– Нет, нет, еще нет, – прошептала Женя, стараясь успокоить сестру, – Но мы оба знаем, что это навсегда, – решительно утвердила она.

Юля накинулась на сестру с объятиями.

– Я так за тебя рада!

– Осталось это папе объяснить, – пробурчала Женя.

– Он собирается с ним знакомиться?

– Давно уже собирается, – кивнула Женя, – но я не пускаю. Я еще не готова с ним спорить. Пусть все будет пока так, как есть. Кстати! – крикнула она, прищелкнув пальцами.

– Что? – испуганно переспросила Юля.

– У Джека есть два прекрасных брата! – подмигнула Женя.

Юля расплылась в улыбке.

– Два? Как удобно! Ты специально подбирала?

– Да, это был мой первый вопрос на свиданиях, – смеясь, ответила Женя.

– Ты серьезно?

– Да. И завтра они будут на балу. Я уже все продумала.

– Ах ты хитрюга! – воскликнула Юля, – Я очень по тебе скучала.

– И я, – прошептала Женя, обнимая сестру, – Я люблю тебя.

– А я тебя больше.

Глава 3.

Из всех дурных привычек,
обличающих недостаток прочного образования
и излишества добродушного невежества,
самая дурная —
называть вещи не настоящими их именами.

В. Г. Белинский

Больше всего на свете люди любят врать, хуже всего на свете у людей получается скрывать правду, меньше всего на свете люди хотят быть обманутыми, и нигде на свете невозможно найти существа более противоречивого, чем человек. Способность мыслить иногда загоняет его в тупик настолько плотно, что, кажется, выбраться практически нет шансов, в то время как выход находится прямо и налево. Что с нами стало от этой жажды постоянно все перемалывать в своей голове? Анализируют, соединяют, раскладывают все по полочкам, а если вдруг полочка остается пустая, то сами придумывают новые обстоятельства, делают выводы и выносят решения. Если бы так шел судебный процесс, даю руку на отсечение, мир бы рухнул прямо на уголовный кодекс. Разве ложь когда-нибудь приносила добро? А приносила ли они пользу? Кто-нибудь знает точно? Очевидно, нет. Если бы за время существования человека на земле был найден однозначный ответ на этот вопрос, он больше ты не возникал у людей в головах. Никто ведь не спрашивает, что нужно есть в картофеле – все выкапывают плоды и не трогают ягоды на поверхности. Значит, с ложью дела обстоят намного сложнее, чем с картошкой. Все лгут.

Можно придумать множество классификаций лжи, но это ни на один грамм не сделает мир правдивее, а людей честнее друг с другом и с самими собой. Но, кажется, я вновь отвлекаю вас.

В доме Дейли и Евгении происходила предпраздничная суета, а если взять во внимание, что главными действующими лицами были молодые девушки, следует сказать прямо – в доме творился бардак, хаос и полнейшая неразбериха. Где бы ни ступала женская нога, она всюду принесет с собой хаос и порядок. Ты никогда не угадаешь, с чего именно она начнет.

Чтобы “не путаться под ногами и не смущать своими замечаниями и поторапливаниями” девочек, Джек спустился в гостиную и стал читать критические статьи на недавно вышедшие в свет книги. Между тем Юлия летала по всему дому с платьями в руках, оставляла на диване расчески, подбирала косметику, выхватывала из рук лишние, по ее бальному мнению, вещи, роняла коробки из-под туфель и ловко перепрыгивала через них, когда Женя просила принести что-нибудь из гостиной. При такой суете она успевала варить кофе и говорить по телефону, вылитый Юлий Цезарь в юбке. Стол ломился под весом разных коробочек, пластиковых баночек, ватных дисков, наборов теней, связок кисточек. В вязанной макраме, висящей на стене около того самого стола цвета слоновой кости, лежали тюбики с кремами на любой вкус, их по меньшей мере было такое же количество, как и в любом салоне красоты.

– Хватит смывать, остановись! Посмотри, ты хорошо накрутила, – возмущенным тоном произнесла Женя, когда Юля собиралась в четвертый раз переделывать макияж сестре.

– Тебе, правда, нравится? – смущенно спросила она.

– Очень!

Отложив кисточки и тени, Юля принялась за платье.

– Скорее одеваемся, – кричала она на весь дом, бегая из комнаты в комнату, застегивая и затягивая корсеты сестрам.

Спустя два часа, множество нарядов и одну обоженную об утюжок руку все четверо были готовы отправиться на бал.

Большой частный дом на краю города, который Евгения подобрала специально для праздника, был уже полон студентов и профессоров. Снаружи сад был убран неоновыми фонариками золотистого цвета, они также освещали огромные резные двери в дом. Студенты приезжали на машинах, но оставляли их за несколько метров от здания, там их ждали три кареты: белого, черного и золотого цвета. Гости выбирали понравившийся экипаж, пересаживались и под цоканье копыт запряженных породистых скакунов подъезжали к дворцу. Прямо перед каменной лестницей кучер останавливал тройку, встречающий молодой человек подавал руку девушкам, помогая спуститься с кареты и подняться наверх к дверям. Двери были высотой в два с половиной метра, конечно, за такими дверями крылся не менее большой зал. Потолок-купол находился, по крайней мере, в четырех метрах от пола из керамической плитки. Роскошная люстра со свечами свисала с расписного потолка. Стены были украшены лепными изделиями в стиле барокко и большими, стоящими друг за другом окнами в форме арок. Весь зал занимал площадь, способную вместить в себя всех студентов Лос-Анджелеса разом. Он был освещен теплым светом от горящих повсюду свеч. На пристроенном в зале балконе расположился оркестр, музыка которого разливалась сверху вниз и стелилась по всей площади.

В половину седьмого вечера был объявлен первый танец – полонез. Пары стройными рядами прошли по периметру зала с по-царски расправленными плечами и пылающими глазами. Девушки смущенно глядели на своих кавалеров и крепко сжимали в тоненьких ручках свои веера. Кавалеры же напротив были полны решимости натворить дел в этот вечер, а потому улыбки не сходили с их лиц, когда взгляд скользил по краям платьев юных дам. Пары кружились и кокетничали друг с другом, стоящие в стороне перешептывались и хотели, чтобы их пригласили.

Как полагается, бал открыли хозяева торжества, после первого танца Джек ушел, чтобы встретить своих приглашенных Женей братьев. Сестры отошли ближе к стене, предоставив

гостям возможность веселиться, заводить новые знакомства и отдыхать. К ним неустанно подходили молодые люди, приглашали, шутили, в общем, старались сделать все, что в их силах, чтобы привлечь внимание, но все напрасно. Девушки кокетливо улыбались и продолжали говорить о своем.

– А вот и Джек! – схватившись за края платья, радостно воскликнула Женя и побежала к нему навстречу.

Рядом с Джеком шли еще два парня на вид того же возраста, что и он. Один, коротко стриженный и гладко бритый шатен, степенно и горделиво чеканил шаг. Сложен он был прекрасно, с широкой, по-военному выпячивающейся грудью, с сильными плечами, длинными и стройными ногами. Лицо, светлое и свежее, с правильными чертами было свидетельством благородного происхождения. Кроме того, молодой человек являлся гордым обладателем взгляда, который сводит с ума женщин всей планеты. Большие карие глаза, словно два драгоценных камня, блестели добротой и силой. Он осмотрел зал и одобрительно хмыкнул. Второй, значительно ниже ростом, светловолосый и кудрявый, пересекал залу весело и бодро, как бы подпрыгивая и пританцовывая на каждом шагу. Его худощавое и угловатое телосложение удивительным образом гармонировало с маленькими и яркими зелеными глазами, как у ведьмы, острым носом и губами-полосочками. С антропологической точки зрения ничего общего у трех молодых людей не было. Никаких фамильных черт: ни похожих форм носа или губ, ни разреза глаз, ни высоты лобной кости. Ровным счетом ничего не указывало на их кровную связь, каждое лицо было по-своему очаровательно и отображало все каноны золотого сечения, но любой ученый-биолог с твердой уверенностью мог бы заявить: эти братья – не братья.

– Это его братья? – изумилась Юля.

– Да, – мгновенно подтвердила Евгения, сделала несколько шагов навстречу Джеку и взяла его за руки, мягко произнося, – Здравствуй, родной!

Затем с присущей ей грациозностью и легкостью Трубецкая приобняла двух молодых людей, пришедших с ее кавалером.

– У тебя получилось довольно похоже, – экспертно осмотрев залу, заключил строгий шатен.

– Знакомьтесь, – радостно проворковала Евгения, подводя братьев ближе к девочкам, – Это мои сестры Ольга и Юлия, а это Дэниэл, – она указала на высокого брата с военной выправкой, – и Альберт, – и взгляд ее пал на худощавого зеленоглазого чародея.

В знак приветствия оба Дейли поцеловали руку каждой из сестер, а каждая из сестер совершила изящное па.

– Представляете, – внезапно заголосил Джек, – мой брат, – и он ткнул в грудь молодого человека с военным прошлым, – говорит, что книга, которую я отдал в печать, имеет двойную нравственную подоплеку.

Дэниэл нахмурил брови и сурово обосновал свою позицию:

– Мы живем во времена, – начал он, и звук его бархатного баритона прокатился по залу, – когда нравственность имеет очень размытые границы, она стала особенно удобна, как диван в гостиной или дворецкий: надо – он здесь, не надо – его нет. С распространением всемирной интернет-паутины словосочетание "информационная блокада" потеряла всякий смысл. У каждого появилась возможность знать все обо всем и говорить всем обо всем. Тут же пресловутая демократия обозначила свободу слова, а беспомощная нравственность побитым котенком свернулась в клубок и только тихо мяукнула. Теперь настало время, за которое сражались красногвардейцы – кухарка может править государством. Каждый может говорить, что хочет, носить, что хочет, читать, что хочет, если хочет, делать, что ему заблагорассудится. Полная свобода, едва ограниченная гражданским и уголовным процессуальными кодексами. Но как всем нам известно, законы написаны так, чтобы их можно было трактовать и выставлять в самом неожиданном свете. Вряд ли какой-то писатель сказал бы: "Сейчас мы переживаем прекрасные

времена", но я бы сказал, что то, чего человечество добилось на сегодня, совсем не то, за что оно на протяжении ста лет сражалось. Чудовищное слово демократия позволило внести разлад не только в социальный и политический строй, но и в саму и без того рвущуюся на части душу человека. Теперь ответственность за происходящее не берет ни народ, ни правительство – демократия избавила всех от ответственности. Теперь я могу оскорбить тебя, потому что по закону я могу говорить, что хочу. По этой же статье ты не сможешь сказать ничего мне – свобода слова прежде всего. В погоне за тем, чтобы узаконить свои естественные права потерялся смысл их узаконивания. Ни политический строй, ни свобода слова, ни уголовный кодекс не способны вложить в людей человечность. Нравственность – не прививка и не болезнь. Это выбор. Делать такой выбор сейчас никто не хочет – боится потерять свою индивидуальность и свободу. От любых идеологий, конфессий, учений отпрыгивают, как от лягушек в летний день. Авторитет старших потерял свою былую силу. Конечно, старшие это заслужили по большей части, но и не пользоваться накопленным веками опытом – сомнительно. "Я" – хорошая буква, но надо помнить, что каждая "Я", когда – либо жившая на планете – важна.

– Как всегда прав, – похлопав брата по плечу, пробасил Джек.

Ольга была очарованна и обескуражена речью незнакомого ей человека, и постаралась скрыть свое внимание к нему. Она стояла идеально выточенной мраморной статуей – закрытая круглая грудь едва заметно поднималась, шелка, стеснившие тонкую талию, сделали ее еще более совершенной, на обнаженные плечи ниспадали завитые крупными прядями темные густые волосы. Тело её было женственно, но глаза стали совсем мужественными – в них были и строгость, и неотступность, и сила, и смелость, гордость, но точнее сказать, непомерная гордыня. И хотя она была прекрасна сложена, умна и старалась быть учливой и милой в общении, эти глаза отражали что-то в ее душе, что заставляло остальных, особенно мужчин, сторониться ее.

Сама Ольга не ждала ничего хорошего от бального вечера, она только смотрела на часы, надеясь, что скоро все закончится, но это было до того момента, как в залу вошёл Джек с братьями. Военный привлек ее внимание, и показался ей (как все мы думаем о своих избранниках) ни на кого, кто встречался ей ранее, не похожим. Он заинтриговал ее тем, что, кажется, не обратил на нее должного внимания, а посмотрел спокойно и сдержанно всего секунду, как будто этого времени хватило ему, чтобы прочесть её сущность и понять. Ольге вдруг захотелось покинуть бал поскорее и отправиться домой, но, поймав себя на какой-то странной, неожиданной слабости, решила остаться и доказать себе, что это ничего не значит. А между тем Дэниэл восхищал ее все больше своими манерами, умением молчать так, что мурашки по бегут по коже. Было в его душе что-то, чего в себе Ольга никак не могла возродить – в его глазах читалась любовь ко всему живому, безусловное принятие жизни такой, какая она есть. И хотя у него были существенные причины возгордиться, ни тени гордыни на нем не лежало.

– Ольга, – вдруг спохватилась Евгения, схватив сестру за руку, бросив беглый взгляд на залу, будто бы она что-то потеряла и очень надеялась сию секунду найти, – я хотела просить тебя спеть. Оркестр согласился исполнить любую из песен, которые ты пела на экзамене. Я показала дирижеру видео и отдала партитуры.

Ольга пугливо отстранилась от сестры и со смущением, смешанным со страхом, смотрела на пять пар глаз, требующих ее положительного ответа сейчас же.

– Я думаю, это неуместно, – начала отнекиваться Ольга.

Ей было, безусловно, приятно и тепло на душе от того, что сестра просила ее петь, значит, она восторгалась ее талантом, но большое количество остальных слушателей отнюдь не тешило ее самооценку.

– Очень даже уместно, мы просим тебя спеть, – зарядили все в один голос. Все, кроме Дэниэла.

Ольга вопросительно посмотрела на невозмутимое и безмолвное лицо военного.

– Дэн, может, на твою просьбу Ольга ответит согласием? – подтолкнув брата за локоть, спросил Джек.

– Это было бы очень неудобно, – ровно и спокойно отвечал Дэниэл, – просить ее спеть, восхваляя ее голос, так как я никогда не слышал его. Вдруг мне не понравится? Выйдет, в конце концов, что я лгун.

– Раз так, – возмутилась Ольга, – я непременно спою.

Она поднялась к оркестру, сказала пару слов дирижеру, тот кратко кивнул головой, дал какой-то знак скрипачам, взмахнул руками, музыка полилась и Ольга запела.

Она пела. И если этих двух слов было бы достаточно, чтобы передать все великое множество красок ее голоса и буйство чувств, взбудораженных в душе уже от первых двух тактов, я мог бы считать себя превосходным писателем. Ее голос был нежен и силен одновременно, вибрато выходило прелестно, каждое крещендо заставляло сердце слушателя уходить в пятки. Все оставили свои разговоры, забыли о танцах, просто остановились, застыли, замерли и вслушивались, стараясь слиться с каждой протянутой нотой, с каждым посланным им звуком.

Песня кончилась – дирижер снял последнюю ноту, подошел к Ольге, и они вместе поклонились. Зал щедро одарил их аплодисментами.

– Прекрасно! – похвалил Джек вернувшуюся Ольгу, – Что скажешь, Дэн?

Дэниэл оставался спокойным и молчаливым. В его спокойствии удивительным образом сочетались отстраненность и вовлеченность, а в его молчании скрывалось восхищение и любованье красотой мира.

Джек немного скосил глаза, как бы намекая своему брату, Жене и Юле оставить наедине Дэниэла и Ольгу. Они послушно покинули пару, выдумав какой-то нелепый предлог.

– Вальс, – задумчиво протянула Ольга, когда, шурша подошвами туфель, скрылась с глаз их родня, – Я люблю вальс.

Не теряя ни минуты, Дейли жестом пригласил ее на тур.

Она подняла руку и положила ее на плечо Дэна, отведя взгляд в сторону. Он крепко обнял ее, положив одну свою руку между ее лопаток, а второй аккуратно держа хрупкую руку своей пары.

– Мне понравился твой голос, – сказал он так близко от нее уха, что мурашки побежали по ее шее.

Они пустились в круг, сначала по краю, уверенно и неторопливо, по мере того, как музыка наращивала темп, их движения ускорились. Дэниэл подхватил ее левую руку, Ольга повернулась вокруг себя, и полы ее платья поднялись в воздух и быстро опустились на землю, так словно вспыхнуло пламя. Ольга танцевала превосходно. Ее ножки порхали над паркетом, кажется, совсем независимо от нее. Лицо ее было свободно от мыслей о следующем движении, все она делала легко и естественно. Она кружилась, взлетала вверх в сильных руках Дэна, который, в свою очередь, любил танцевать и был профессионалом в этой области, хотя всегда тщательно скрывал это. Но свежесть и прелесть этой девушки не могли оставить его равнодушным, он весь ожил, лицо его засияло, и губы порозовели. Плавности и грации в его широких плечах и высоких ногах было ничуть не меньше, чем во всем ее стройном теле. Они кружились под звуки оркестра несколько туров подряд. Он смотрел на ее лицо, а она редко поднимала глаза, но этого было достаточно, чтобы глупая улыбка цеплялась к их губам. Эта летающая пара очаровала зал, шептались, что они репетировали танец ни один вечер. Дэн взял правую руку Ольги и покругил ее вокруг себя два раза, затем руки его опустили на ее талию и крепко сдавили. Она положила руки ему на плечи, он поднял ее над собой легко, как будто поднимал пушинку, сделал несколько оборотов, и как только Ольга снова ощутила пол под ногами, он вывел ее из круга.

Ее сердце билось так сильно и громко, как бьются колеса самолета при посадке. А его сердце было немо.

Они поблагодарили друг друга за танец взглядом, Ольга приоткрыла рот, сделав короткий вдох, на лбу у нее отразилась невысказанная мысль, но озвучить она ее не посмела, да и некому было – Дэниэл в одно мгновение исчез в хлынувшей к сцене толпе. Ольга вернулась к сестрам и закончила вечер в беседах о музыке, кинематографии и влиянии открытий Эйнштейна на «Теорию большого взрыва». Братьев Джека она больше не видела.

Бал был окончен к четырем часам утра, когда небо мелкими штрихами начало вырисовывать рассвет. Кареты уже не ждали около дома, и звон копыт сменился ревом мотора машин уезжающих гостей. Признаться, утро сложилось восхитительное, будоражащее сознание своей свежестью и ненавязчивостью. Но это, вероятно, мало интересует вас, в отличие от разговора между двумя сестрами, ради которого и была затеяна вся эта поездка.

Торопливым шагом Ольга направилась в находившуюся на этаж ниже комнату Жени. С обыкновенно серьезным и светлым лицом она вошла в комнату, предварительно постучав. Женя, сидя за зеркальным столиком, заплетала волосы в косы. Как только отражение Ольги появилось в освещенном желтыми лампами зеркале, Женя жестом попросила ее присесть на кресло около кровати.

– Ты готова? – не теряя ни минуты, начала Ольга.

– К чему? – спросила Женя, продолжая ловкими аккуратными пальчиками вплетать бисерную ленту в волосы.

– К принятию должности отца, – пояснила Ольга, состроив недовольное лицо из-за вопроса сестры.

– Я не стану наследовать престол.

Голос ее был ровен, и лицо отражало спокойствие, тогда как по лицу Ольги скользнула тень раздражения и волнения, отчего осанка ее стала еще прямее и правильнее, руки, лежавшие на коленях, напряглись и сцепились друг с другом.

– Ты не можешь отказаться, – возразила Ольга, стараясь сохранить твердость, – Ты же мечтала об этом в семнадцать лет ...

– Вот именно, – внезапно сорвалось с Жениных губ, точно вспышка электричества ударила в комнате: обе сестры содрогнулись, повисла некоторая пауза, но разговор продолжился в прежнем регистре, – мне было семнадцать, а теперь мне двадцать три.

– А в двадцать четыре коронация, – Ольга говорила уверенно, но медленно, с трудом находя нужные слова, – Ты должна... Это твой долг... Это в твоей крови.

– Прекрати, Ольга, – грубо отрезала Евгения.

– Я не вижу ни одной весомой причины для исключения тебя из наследников. Ты умнее и сильнее всех тех, кто сидит в совете, ты достойная наследница.

– Ольга, – Женя повернулась к сестре лицом, отложив расческу, – это ты достойная наследница. На тебя всю жизнь смотрел отец и хотел, чтобы ты заняла его место, не я.

– Евгения! – громко крикнула Ольга, вскочив с кресла, – Я настоятельно тебя прошу прекратить этот бессмысленный монолог.

– Ольга, – мягко произнесла Женя, – послушай, я не могу встать на престол.

Ольга чувствовала, чем закончится разговор еще до его начала, но сейчас, когда правда собирается повернуться к ней лицом, она всеми силами пыталась от нее убежать и никогда не слышать.

– Почему? – по-детски просто спросила она, в отчаянии опустив руки.

– Ответ ты знаешь, – печально сказала Женя, – Ты ведь уже давно догадываешься. С первой минуты по твоим глазам я поняла, что ты догадалась.

Ольгу словно ударили по голове, она рухнула обратно в кресло, закрыла руками губы и вытерла набежавшие слезы.

– Я надеялась, – шептала она, – что я ошиблась. Спрашивать, знает ли отец, не стоит, верно?

– Если бы он знал, меня не было бы уже здесь ... или в живых, – сказала Женя, и легкая дрожь пробежала по ее щеке.

– Ты отдаешь себе отчет в своих действиях? – успокоив расшатавшиеся нервы, сурово сказала Ольга, – Это карается...

– Я прекрасно понимаю, чем все это заканчивается, – твердо ответила сестра, – Поэтому я не могу принять наследство.

– Тебе никто не даст его, – разозлившись, бросила Трубецкая.

– Я не буду отрицать своей вины. Я знаю, что сделала, но не считаю себя предателем только потому, что следовала своему сердцу, – защищалась Женя.

– Оно повело тебя неверной дорогой, – крикнула Ольга и снова вскочила с кресла, – Я предупреждала о возможности такого события, но я не представляла масштаба катастрофы.

– Ты не понимаешь, – покачала головой Женя.

– Нет, и не хочу, – нервно передвигаясь взад – вперед по комнате, говорила Ольга, – Это противоречит моему кодексу чести.

Евгения, будучи старшей сестрой, не привыкла перед кем-либо отчитываться и выслушивать обвинения. Ее решения не оспаривались никем никогда, правда, дорогой читатель, до этого момента решения касались ее лишь одной, поэтому и ответственность несла она одна. Поняв, что разговор не приведет к положительному результату, она решила его немедленно закончить.

– Я прошу тебя подумать и решить, что ты будешь делать. Я прошу тебя подумать не только вот этим, – Женя положила руку на голову, – но и этим, – и указала на сердце, – Иногда там скрываются правильные ответы, которых не найдешь тут, – она снова положила руку на голову, – Подумай и вспомни бал. И подумай снова.

– Я сделаю, как ты просишь, – нахмутив брови, согласилась Ольга, – но лишь из уважения к семье.

– Конечно, – кивнула Женя, – А теперь ступай. Доброй ночи.

Ольга вышла из спальни сестры, разбитая и опустошенная. Всю ночь она не могла сомкнуть глаз от переживаний и дурных предчувствий. Евгению тоже мучила бессонница, она просидела в кровати, смотря в одну точку и пытаясь понять, правильно ли она поступила.

Глава 4.

Хотя и сладостен азарт
По сразу двум идти дорогам,
Нельзя одной колодой карт
Играть и с дьяволом и с богом.

И. Губерман

Верили ли вы когда-нибудь в чудеса, мой читатель? Признаться, до знакомства с семьей Трубецких я забавлялся, читая мифические книги, смеялся над простачками, твердившими, что сегодня, как часы пробили полночь, они слышали вой волков и видели, как что-то быстрое пронеслось прямо перед ними. Я не верил ни во что на свете, кроме табака, который, по истине, творил чудеса, успокаивая и укутывая в свои серо-воздушные клубы. Однако, оказалось, все совсем наоборот, и табак-предатель вреден для здоровья. Черт бы его побрал! Сгубил мне легкое. К счастью, Петр Алексеевич вовремя появился на моем пути.

Так, я вновь отвлекся. Ежегодно я хожу в департамент юстиции, девятнадцать лет назад я шел по коридору к лестнице, чтобы подняться в кабинет и отдать некоторые бумаги на подпись, как вдруг услышал разговор двух людей, проходивший на повышенных тонах. Я никогда не слушаю чужие разговоры, но тогда было ясно, что один из двоих мужчин не хочет продолжать

спор, но второй никак не хотел его отпускать. Я, набравшись наглости, подошел к ним и громко, со всей когда-либо присущей мне радостью в голосе, произнес:

–Эй, дружище, сколько лет, сколько зим! Как ты здесь оказался? – я славно ударил по плечу того, кто так не хотел текущего диалога.

–Здравствуй, старина! Я по семейным делам тут застрял. Как же ты вымахал! – крепко сжимая мою руку, отвечал старинный друг-незнакомец.

–Я оставлю вас, вижу, вам есть, что обсудить, – смутился другой и, откланявшись, ушел вниз по лестнице.

Так нелепо и удачно случилась моя первая встреча со старшим Трубецким. Тогда он без конца благодарил меня за мою находчивость и прозвал бароном Мюнхузеном, который тоже был известен своим непревзойденным умением вешать людям лапшу на уши. Петр Алексеевич пригласил меня к себе в дом в тот вечер, познакомил со своей многочисленной семьей и сказал, что если в течение трех лет наша с ним дружба ничем не будет омрачена, то он посвятит меня в причины размолвки между ним и тем господином. Шли месяцы. Наша дружба с семьей Трубецких росла и крепчала, я стал забывать об обещании, то ли от того, что было мне это не столь уж и интересно, то ли от того, что было чрезвычайно интересно, а, может, из-за того, что я и без того догадывался, что имею дело с необыкновенными людьми. Или не людьми вовсе.

Тем не менее, обладая прекрасно развитой памятью и таким же чувством долга, Петр Алексеевич сдержал обещание. Спустя три года ровно, в тот же день, как мы познакомились, он повел меня в свой кабинет. Если вы, мой друг, предполагаете, что кабинет этот был обычным кабинетом, то вы верно ошиблись. Дверь в кабинет находилась на втором этаже его дома в конце коридора за всеми дверями. Он открыл дверь ключом, но вместо стола и кожаных кресел я увидел вешалку с темно-синими плащами с капюшонами, тумбочку, на которой лежали черные перчатки и лифт, повергший меня в полнейший шок, ибо в доме было только два этажа, и куда мог бы вести этот лифт, кроме подвала или крыши, и зачем тогда нужно было строить его?

Петр Алексеевич надел один из плащей и меня облачил в такой же, но размером поменьше, положил в карман две пары перчаток и вызвал лифт. Мы стояли в гробовой тишине, я молчал от страха перед неизвестностью и одновременной жажды открытия истины, а Петр Алексеевич – ... черт его знает! Лифт приехал. Мои подозрения не были напрасными, кнопки лифта показывали восемьдесят два этажа, Трубецкой нажал на последний.

–Надевайте, – он протянул мне перчатки, – ни с кем не разговаривайте.

Его хитрая и по-доброму горделивая улыбка придавала мне храбрости, но все-таки кости от волнения, кажется, рассыпались внутри и перестали держать легкие, так что в животе появилось ощущение, какое бывает с нами при наборе высоты самолетом. Должно быть, и мы набирали высоту. Как бы я ни хотел думать об общей нереальности происходящего, о том, как вообще возможно построить невидимый лифт от земли и в пустоту, я об этом думал. Эти мысли роились в моем мозгу и жалили нервную систему.

Как только двери лифта открылись, мне в глаза ударил яркий свет, который бывает, когда снег выпадет и солнечные лучи, отражаясь, ослепляют нас. Из-под капюшона я увидел широкий коридор, ведущий далеко вправо и влево, мраморные полы цвета Тихого Океана не освещались светом ламп, очевидно, по причине отсутствия таковых на потолке, собственно, сам потолок тоже отсутствовал. Небо служило потолком, а солнце – лампой. Помещение было похоже на обычный офис, в дресс-код которого входил плащ, закрывающий полностью тело, и перчатки. Пока мы шли по коридору налево, Петр Алексеевич кивком головы и иногда рукопожатием здоровался с беспрерывно снующими туда-сюда работниками сего странного заведения. Мы остановились около одной из громадных дверей.

–Вот и пришли, – счастливо поспешил сообщить Трубецкой.

Он снял перчатку, и тут же незакрытая кожа на его руке засветилась – я зажмурился.

– Это серебро в крови так светится, когда попадает под прямые солнечные лучи, – любезно и не без ухмылки пояснил мой друг и дотронулся до железной ручки, дверь открылась автоматически.

– Поэтому вы все здесь в перчатках и плащах? – я переступил порог кабинета, снял капюшон с головы и остановился в двух шагах от стены около резной напольной лампы.

– Верно! Проходи, присаживайся, – он указал на широкий серый диван, расположившийся между рабочим столом с кипой бумаг Петра Алексеевича и журнальным невысоким столиком.

Кабинет Трубецкого был обставлен в точности так, как положено любому уважающему себя кабинету в девятнадцатом веке на английский манер, очень скромно. Стояла аскетическая дубовая мебель с простой обивкой, настольные часы, секретер, огромный массивный шкаф с бесчисленным множеством книг. На столике около кресла была разложена партия шахмат, надо сказать, что шахматная доска всегда находилась там, и каждый день Петр Алексеевич хотел обыграть самого себя.

Пристально осмотрев кабинет, я обратил свой взгляд на хозяина помещения и уверен, что, говоря словами классика, взор мой являл живую муку. Я мучился от переизбытка вопросов, внезапной головной и желудочной боли, подозревал связь между этими симптомами, но осознание происходящего никак не могло прийти ко мне. И вот я стоял, немой и трепещущий, боясь начать спрашивать, но желая получить хоть небольшую порцию ответов. Петр Алексеевич, хитро прищурившись, наблюдал за мной, потягивая трубку и мерно постукивая пальцами по крышке стола. В этот момент он показался мне еще более могущественной персоной, чем я представлял себе раньше. Внезапно знакомство с ним показалось мне настолько большой заслугой, что мое представление о самом себе начало меняться. Я постарался сосредоточиться и поразить своего друга сдержанностью – в течение некоторого времени просто держал его под мучительным испытующим взглядом. К счастью, Петр Алексеевич сжалился и с охотой, заметной по угловому положению его губ, собирался уже начать говорить, как раздался стук, и дверь кабинета приоткрылась. В открывшийся проем просунулся нос, с висящими на нем очками в черной оправе.

– Петр Алексеевич, можно? – не переступая порог, пропищал обладатель носа, – Я по поводу дела о правах на Землю.

– Да, Павел, проходи, – скомандовал Трубецкой, подвигая к себе черную худую папку.

По приглашению в кабинете возникла фигура мужчины, возраста около двадцати семи лет. Под плащом был виден классический деловой костюм черного цвета, белоснежная рубашка и галстук. Все это выглядело очень дорого, впрочем, как и сам Павел – ухоженное, идеально чистое лицо, гладко причесанные волосы, расправленные широкие плечи, прямая осанка. Как я узнал в последствии, он уже пять лет был первым помощником Петра Алексеевича с далеко идущими претензиями на более высокое положение, и хотя его родителей никто не видел, говорили, что они имели большое влияние.

– Ну-с, – продолжил Трубецкой свой разговор с Павлом, – что там с нашими гостями?

– Заседание почти закончилось, – отвечал помощник, – гости кажутся довольными, но комитет огорчен вашим отсутствием, – голос его был не в меру громок, в речи чувствовались сдержанность и уважение не только к собеседнику, но, в большей степени, к самому себе, – Я заверил их, что ваше нахождение там не повлияло бы ни на один параграф договора. Тем более, вы и создали этот договор.

– Молодец, Павел, – слова эти мой друг сопроводил одобрительным кивком головы, – Так договор подписан, как я и говорил?

– Да, вы точно все предвидели.

Разговор был закончен, но Павел стоял в кабинете и чего-то ждал...

– Что-то еще? – спросил Трубецкой.

– Комитет требует вашей личной подписи на договоре, а также оригинал договора до сих пор находится в Репозиторе.

– Не беспокойся, Павел. Я спущусь за договором и буду в переговорной через несколько минут.

Мы вышли из кабинета, повернули по коридору направо, прошли около ста метров по прямой и остановились перед ничем. Без всяких прикрас я сообщаю, что коридор в этом месте заканчивался, точнее, обрывался, и дальше следовало свободное падение в открытое небо. Петр Алексеевич открыл дверцу в стене по правой стороне коридора, в плоском шкафчике висели длинные трубки, подсоединяющиеся к одному бутылку. Все это устройство своим декором и конструкцией очень напоминало кальян, представьте себе мое удивление, когда мой друг взял одну из этих трубок и подул в нее. В бутылке образовались какие-то пузырьки белого цвета, которые через секунду окрасились в синий, и на месте того самого ничего начала строиться воздушная или, лучше сказать, дымовая лестница глубоко вниз, но куда именно она уходила, не представлялось возможным разглядеть – все закрывали облака.

– Я ожидал опознавания через голос, палец или глаз, – в удивлении пробубнил я.

– Согласись, – бодро говорил Трубецкой, – что подделать воздух из моих легких, воспроизвести микрофлору организма представляет намного более сложную задачу, чем записать мой голос, отрезать мне палец или вытащить глаз.

Трубецкой спустился по этой лестнице вниз и скрылся за облаками, а я остался ждать его около хитроумного устройства. Вернулся он через пятнадцать минут с какой-то папкой в руках, я не осмелился спросить, что в ней, а мой друг не считал нужным мне это пояснять. Мы прошли обратно в кабинет, где Петр Алексеевич сделал пару деловых звонков, снова позвал своего помощника, передал ему папку из того хранилища, и целую гору заданий. Как только дела закончились, он пристально посмотрел на меня, закурил трубку и, вальяжно развалившись в своем кресле, предложил мне задавать вопросы. Я, видимо, молчал чрезвычайно долго, и Трубецкой сам начал рассказывать.

–Итак, мой дорогой друг, ты находишься в Небесной канцелярии. Здесь работает около миллиона ангелов всех уровней, сто тридцать восемь хранителей, здесь хранятся дела всех людей, за которых отвечает мой сектор, а также оригиналы и копии договоров с различными существами и другими секторами на нашей планете.

Я махнул головой в знак понимания и, вспоминая героев Библии, спросил:

–А где же архангелы: Михаил, Уриил, Гавриил, Люцифер...?

–Люцифер больше не с нами, – и голова моего собеседника опустилась в низ, скорбя.

–Я сожалею, – сказал я, вдруг испугавшись, что спросил лишнего.

–Какой же ты наивный, мой зеленый друг! – он потянул воздух из трубки и захохотал, выпуская облачный дым изо рта, – Нет никаких семи архангелов. Мы хранители, стоим в иерархии немного выше ангелов, я председатель совета в этом секторе. Всего председателей семь, в соответствии с количеством секторов. Право председательствовать передается по крови, в свои двадцать пять наследник заступает на пост.

– Чем занимается твой сектор? – робко спросил я.

Петр Алексеевич принял деловитый вид, выпрямил спину и с гордостью отвечал:

– Межвидовыми и межпланетными делами. Земля находится под нашей юрисдикцией. Но чаще всего мы имеем дело с существами, занимающими с людьми одну планету.

– А как же человеческие судьбы? – удивился я.

– О нет, – протянул мой собеседник и махнул рукой, – это слишком мелкие задачи. При всем уважении к человечеству. Этим занимаются ангелы не столь квалифицированные. Мы не занимаемся придумыванием сценариев для ваших жизней, этим вообще никто не занимается.

– А что входит в обязанности ангелов?

– О, – снова воскликнул Трубецкой, – они просто записывают за людьми, балансируют поток знаний, следят за постепенным поступлением информации.

– Дело о правах на землю... – в изумлении бормотал я, – на землю с большой буквы?

– Разумеется, – гордился Петр Алексеевич, – Почему ты так удивлен? Ваша наука уже доказала существование множества других планет, галактик и вселенных. Не стоит тебе особенно погружаться в этот вопрос. Со временем человечество будет готово лично принимать участие в подобных переговорах другими видами существ с других планет. Конечно, не все из них приезжают в гости чаю попить. Заключено уже более четырех миллионов договоров, чтобы обезопасить всех, кто живет на этой планете, а также поддерживать баланс во всех вселенных. В Репозиторе, в который мы с тобой ходили, хранятся оригиналы этих договоров. Конечно, делать там тебе совсем нечего, но тебе не должно быть очень обидно за своих соплеменников, на многих планетах существуют подобные развивающиеся существа, находящиеся под присмотром других существ. Сам должен понимать, высшее правление не может допустить к переговорам на межпланетном уровне существ, не способных провести переговоры даже на международном уровне (последнее прозвучало так, словно вместо слова международный должно было стоять “клеточный”).

–Так ты, выходит, бессмертен? – немного поразмыслив, спросил я.

–Нет, – хихикнул Трубецкой, – все мы живем, как и обычные люди. Но есть некоторые заклинания, способные остановить для нас время. На мне, действительно, лежало такое заклятье, потому как я долго, а, если быть точным, шестьсот лет, не мог встретить достойную будущую жену. Но как только родился первый ребенок, заклятье перестало действовать.

–Значит, твое место может занять не только твой сын, но и дочь?

–Разумеется, Кацелиум (высший небесный совет) предпочитает видеть мужчину во главе стола, но нет ни одной причины, по которой стоило бы отвергать кандидатуру женщины. Кроме того, если родится сын, то он по обоюдному желанию с сестрой сможет занять ее место, когда ему исполнится двадцать четыре.

Так же Петр Алексеевич рассказал мне о существовании специальной международной школы для детей таких особенных родителей. Однако решение отправлять в такую школу детей или не отправлять остается за взрослыми, и из семьи Трубецких эту школу заканчивает только Василий. На мой вопрос о том, как ежедневно сотни школьников по всему миру добираются до одной школы и не вызывают подозрений у обывателей, Трубецкой ответил, что вместе с письмом о зачислении приходит мастер, устанавливающий в доме дверь, ведущую к коридорам школы. Система выглядит и работает почти в точности, как у Небесной канцелярии. За все время нашего общения мне удалось выведать еще только один интересный факт – в этой школе все говорят на латыни, чтобы было удобно общаться детям и учителям и чтобы не превозносить один язык над другим.

–А что с твоей кровью?

–В ней серебро, как и у всех, кто призван служить небесам. Оно защищает нас от другой нечисти, которая травится им.

–Удобно.

–Весьма, но только солнечные лучи раздражают, – недовольно фыркнул мой друг и добавил важно, с ноткой тревоги в голосе, – Я давно жду важных гостей, они задерживаются.

– Наверное, транспорт подводит, – растеряно предположил я, пожимая плечами.

– Такой транспорт не опаздывает! – воскликнул Трубецкой, – Это гости с другой планеты, – смеясь и хвастливо мне подмигивая, заявил он.

Мои глаза округлились до размера десятирублевой монеты, я молчал и ждал дальнейшего рассказа, который обязательно должен был последовать, ведь мой друг нечасто находился в таком воодушевленном состоянии.

Я перескажу вам, мой читатель, все слово в слово, как говорил Петр Алексеевич мне тогда.

Итак, Эдэльна -единственное место во Вселенной, в котором можно сидя дома за чашкой чая наблюдать извержение вулкана, смотреть, как из-под красной раскаленной земли по черным глубоким ямам сбегает, как слезы по морщинам на лице старухи, кипящая густая алая лава, как воздух наполняется дымом и клубнями поднимается все выше и выше над пышущим вулканом, как хлопья серого пепла водят хороводы и, постепенно разлетаясь, осыпаются на землю, как небо, озарившееся оранжевым цветом, мирно висит, слушая грохот трясущейся земли. Такова естественная природа Эдэльны, однако, благодаря высоким способностям инженеров и ученых на планете построено множество участков с умеренным климатом, тропическим и даже арктическим.

Население на этой планете выглядит лишь немного иначе, чем люди, они отличаются только высоким ростом, составляющим в среднем два метра, и оранжевым цветом лица. Их коренное отличие лежало не во внешнем виде, а во внутреннем содержании. Интеллект эдэлийцев в разы превосходил интеллект человеческой расы. Дети интуитивно понимали законы квантовой физики, микробиологию, а на холодильники родители вывешивают написанные ребенком симфонии. Почти каждый эдэлиец знал по 25 языков с разных планет, даже если никогда не путешествовал. На планете не было ни одной тюрьмы, нет необходимости даже в делении на страны и армии. Я спросил у друга, почему и как им удавалось существовать без управления, а получив ответ, поразился (хотя думал, что на сегодняшний день поразить меня еще больше непосильная задача). Он ответил, что вся материальная природа им ясна, а то, что они еще не знают, откроется со временем. Вот что действительно для них важно – это душа. Эдэльна и переводится как "душа". Все они подчиняются законам мироздания, заботятся о чистоте души. Это раса с наивысшими моральными качествами. Материальное тело и материальные блага утратили для них свою ценность. Они обладают двумя могущественными качествами – бескорыстием и доверию к судьбе. Вечность, знания и блаженство – то, на чем строится их мировоззрение. На Эдэльну прилетают множество существ, исповедующих они самые разные учения, и все они находят себе место под солнцем Эдэльны. Во вселенной еще нигде не было такой пестроты религий, такого разнообразия рас и при этом такого гармоничного существования.

Так я был посвящен в величайшую тайну. Сомнения терзали мою душу долгое время, в эту ночь я не мог уснуть. Что если все это глупый спектакль? Зная о моей детской доверчивости, Петр Алексеевич легко мог все это подстроить. Увы! Это была истина. Что же тогда получается, Бог есть на самом деле? Но с тех и до сих пор Трубецкой и его семья ни разу не упомянули при мне Бога и не сказали, что ожидает нас после смерти. Да простит меня любопытный человек, но я не стал спрашивать, ибо боялся услышать какой-нибудь ответ.

Конечно, блестящий ум читателя уже догадался, что причиной ссоры между сестрами Трубецкими были серьезные любовные отношения Евгении и Джека. Однако почему это мешает наследовать престол отца, продолжать служить великому семейному делу не вполне очевидно, поэтому считаю своим долгом внести некоторую ясность в происхождение Дейли. Все три брата имели особенность, природную, можно сказать, чем-то сродни особенности семьи Трубецких, о чем быстро догадалась Ольга благодаря сестринскому любящему сердцу, а также элементарным познаниям в биологии, истории, логическому мышлению, простой наблюдательности и идеальному слуху. Фактически все три брата были мертвы, но их организм после смерти возобновил свою работу, существенно увеличив физические и умственные способности, лишив возможности естественной смерти, так сказать, остановив время, и оставив в ежедневном рационе только кровь (но последний пункт не подтвержден юридически). Термин, которым обозначают вышеперечисленные особенности, – вампир, им я и буду оперировать. Разумеется, никакой речи о союзе создания, служащего для соблюдения естественных зако-

нов природы, и создания, одно существование которого противоречит этой самой природе, не могло идти.

Однако, не смею больше занимать вас своей болтовней, пора возвратиться в дом, к сестрам, а именно, в гостиную. Ольга читала, удобно расположившись на диване в то время, как раздался звонок, и Женя спустилась открывать дверь. В гостиную вошел кто-то в черных туфлях, молча остановился в метрах пяти от дивана и Ольги. Из-за краев книги ей было видно лишь обувь гостя, но по твердому, спокойному шагу и недавно произошедшим событиям необходимость угадать человека не вызывала затруднений. Дэниэл три минуты стоял молча, ожидая увидеть хоть какой-то знак приветствия, но Ольга только придвинула книгу ближе к носу, совсем пряча за ней свое лицо.

Если история и знает человека сильного, спокойного и скромного, то это непременно Дэниэл Дэйли. В совсем терпении он победил бы Тихий океан в то время как по нему плыл Магелан, а благородство передалось ему по наследству. После знакомства с Ольгой в душе его поднялись чувства, которые долго спали, и он был слишком стар и мудр, чтобы бегать от них, поэтому на следующее утро он решил ехать в дом к брату только за тем, чтобы ещё увидеть Трубецкую.

– Что ты делаешь? – строго спросил Дэн.

– Читайте, – голосом полным безразличия отвечала Трубецкая.

– Это неправда, – утвердительно и уверенно заявил гость, усаживаясь в кресло около журнального столика, – Если бы ты действительно хотела читать, ты бы поднялась к себе в комнату и закрылась бы там, а не сидела бы здесь, в гостиной, демонстрируя мне свое безразличие.

Речь Дэна была слишком спокойной, размеренной и правильной для нарастающего пожара в голове Ольги. Как раздражает комар, которого слышишь, но не видишь и не можешь поймать, умиротворенность и непоколебимость Дэна раздражали Ольгу. Пытаясь собрать всю свою сдержанность в одно целое, она заговорила все еще через книгу:

– Хочу, чтобы на мое безразличие обратили внимание.

– Я обратил, – коротко заметил нежеланный гость.

– Теперь я могу пойти к себе в комнату и закрыться там.

С этими словами Ольга опустила книгу, бросила острый взгляд своих темных глаз в сторону раздражителя, поднялась и направилась к лестнице наверх.

– Или, – после некоторой паузы продолжил Дэн, – можешь пойти в комнату, переодеться и продемонстрировать свое безразличие во время прогулки со мной.

Он смотрел прямо на взбудораженную фигуру Ольги, руки его при этом создали конструкцию треугольника, и подушечки пальцев двух рук поочередно немо стучали друг об друга. Вид у него был умиротворенный, хотя за глубиной голоса слышалось довольство собою и радость от происходящего. Ольга же, предугадав предложение Дэна, до дна души поразила их двоих своим скорым ответом:

– Я быстро соберусь.

– Жду, – улыбнулся Дэниэл.

В то время как Ольга собиралась на свидание, которого желала избежать, а Дэниэл ждал встречи, которую давно представлял себе, младшая Трубецкая без лишних лукавств, с трепетом и нескрываемой радостью поила чаем и кормила разговорами Альберта Дейли.

– Почему физика? – звеня чашками из домашнего сервиза, спросила Юлия, и глаза ее при этом светились восторгом и детским любопытством.

– Это у меня от отца, – Альберт отвечал ей с восторгом, но более сдержанным, – он все время работал в своем кабинете, проводил опыты, а мне давал какую-нибудь книгу из своей библиотеки, чтобы я не мешал ему. Он думал, что я ничего не понимаю, но я запомнил каждое его движение и сейчас смогу повторить все его эксперименты.

– Но Джек говорил, что папа врач, – Юлия подняла обе свои тонкие бровки вверх.

– У нас разные отцы, – пояснил Альберт, – У Джека – врач, у Дэна – военный, у меня – ученый.

– Как вы оказались вместе?

– Эдмунд, крестный отец Джека, с Робертом (родным отцом Джека) познакомился очень давно, но о том, кто по своей природе Эдмунд, Роберт не знал до того, как Джеку не исполнилось двадцать восемь лет. Джек и Эдмунд подолгу находились вместе, у них были прекрасные отношения, из чего отец сделал вывод, что Джека уже обратили. В одну из ночей Роберт зашел в комнату сына с ножом. Эдмунд следил за крестником и успел как раз вовремя.

– Шрам на щеке – это его отец сделал, – с ужасом догадалась Юля.

– Да, – рассказывал Дейли, – Джек потерял много крови, был весь в порезах, тогда Эдмунд обратил его и забрал к себе. А отца отдал в дом для душевнобольных.

– А Дэниэл? – жадно расспрашивала девушка, поставив локти на стол и сложив обе щеки на ладони.

Альберт был рад поделиться хоть с кем-то историей своей семьи, кроме того от улыбки Юлии у него возникало непонятное ему приятное жжение в груди.

– Джек и Дэн вместе служили, – продолжал он рассказ, – стали близкими друзьями. Они внешне очень похожи, так что их принимали за братьев. Эдмунду нравился Дэн, он несколько раз предлагал обратить его, но Джек всегда давал отрицательный ответ. Однажды в рукопашном бою Дэна ранили прямо в сердце, тогда Эдмунд и обратил его.

– А как тебя обратили? – аккуратно спросила Юлия, бросая скромный взгляд на собеседника из-под своих пышных ресниц.

– Когда началась вторая мировая война, мой отец погиб при бомбежке, – вспоминал Альберт, – Мы жили тогда во Франции. Дэн воевал на стороне СССР, и в 1945 году он забрал меня из пустого заброшенного и разрушенного дома. Мне было десять лет. Он привез меня к Джеку и Эдмунду. Я рос, зная, что мои названные братья несколько отличаются от людей. Эдмунд обратил меня на мой двадцатый день рождения.

Юлия заметила, что кружка Альберта опустела, быстро полетела к чайнику, налила еще кипятка в чашку, подвинула поближе к гостю тарелку со сладостями и продолжила расспрашивать:

– А где сейчас Эдмунд?

– Надеюсь, далеко от этого места, – сквозь зубы сказал Альберт и сжал кулак так, что стало видно вены на руках.

– Что между вами случилось?

Тут Юлии и самой показалось, что она слишком много спрашивает и уже наверняка перешла все границы приличия, а после такого нетактичного вопроса Альберт и вовсе уйдет, не слова не проронив. Она приготовилась извиняться за свое любопытство, но Дейли опередил ее слова.

– Глаза открылись, – посмеялся он, не собираясь никуда уходить и не держа обиды за череду личных вопросов, – В вашей структуре есть иерархия, в нашей тоже. Эдмунд, скажем так, президент Соединенных Штатов вампиров. Он не лучший их представитель, был ужасным человеком и после смерти не изменился. Он нами манипулировал, пытался сделать из нас личных помощников, давал нам гадкие задания. Мы ушли от него, но он нас не отпустил и не простил. Я бы не хотел, чтобы ты его когда-нибудь увидела.

– Мне жаль, что так вышло, – сочувственно прошептала Юля, – Ты ведь доверял ему.

– Я не испытывал к нему никаких теплых чувств, – честно признался Альберт, – а вот по Джеку это в свое время очень ударило. Но Женя смогла вернуть его прежнее состояние и даже усовершенствовала модель.

– Усовершенствовала! – повторила младшая Трубецкая и расхохоталась, – Ты останешься на ужин сегодня? – успокоившись, спросила она.

– Если ты приглашаешь, останусь с радостью, – улыбнулся Альберт и одним глотком выпил свой чай.

– Я тебя приглашаю, – кокетливо ответила юная красавица.

Солнце мягко припекало оранжевые маленькие цветочки, что росли вопреки всяческим усилиям садовника перед домом Дейли. Скрывая половину лица под огромными черными очками, Дэниэл сидел на скамейке в ожидании. Он разглядывал асфальт, переминал пальцы на руках, закидывал правую ногу на левую, затем наоборот, и так без конца, пока на крыльце дома не образовалась фигура Ольги. Он быстро поднялся, поправил рукава рубашки и подал руку, коротко обозначив:

– Выглядишь чудесно.

– Куда мы едем? – сдерживая энтузиазм, спросила Ольга.

– На пляж.

– Туда, где много людей, – недовольно хмыкнула Трубецкая и села в машину.

– Нет, – смутился Дэн и скоро добавил, видимо, считая не лишними пояснения, – там никого нет.

Когда оба пассажира были пристегнуты, мотор ревел, и маршрут был построен, машина двинулась в выбранном направлении, полная неловкого молчания и напускной важности двух молодых людей.

– Зачем ты пришел на бал? – спустя несколько пересеченных кварталов поинтересовалась Ольга, даже не повернув голову в сторону Дэниэла.

Дейли бросил на нее свой тяжелый взгляд, принял немой посыл и ответил, рассматривая происходящее на дороге, при этом щедро сдобрив интонацию хладнокровием и безразличием:

– Женя попросила оценить, насколько правдоподобно ей удалось отобразить эпоху.

– Оценил? – взбив рукой волосы, спросила Ольга, – По школе от одного до десяти.

– Семь. Но если считать вальс, – Дэниэл улыбнулся, слегка закатив глаза, – то одиннадцать. А какую оценку дашь ты? – спросил Дейли, как бы приглашая вступить в начавшуюся игру.

Эмоциональное состояние Ольги не позволило ей принять приглашение, и от этого ответ ее прозвучал злее, чем она предполагала:

– Если не считать вальс, то десять.

Снова в машине к двум молодым людям присоединилось неловкое молчание.

– Может, ты хочешь меня спросить о чем-то? – предположил Дэниэл, поворачивая на каменистую дорогу, ведущую прямо к берегу.

– Я и так знаю все о вас. Что ты можешь мне рассказать? – раздраженно произнесла Трубецкая.

К счастью, машина прибыла в пункт назначения, и у Дэниэла появилась пара минут, чтобы придумать, как он будет парировать. Он повернул ключ зажигания, вышел из машины и открыл дверь Ольге, помогая встать с пассажирского кресла. Как только дверь автомобиля открылась, легкий поток свежего бриза прикоснулся к ее лицу, приглашая войти в открытое пространство. Ольга сделала шаг ближе к волнам и встала так, чтобы ветер дул ей в лицо, она заглывала морской воздух глубоко в легкие, но этого казалось мало, чтобы впитать в себя все, что так великодушно предложила сейчас природа. Дэниэл позволил ей простоять так в тишине около пяти минут, все это время он стоял смирно, не шевелясь, а только смотрел на ее закрытые глаза, украшенные пышными темными ресницами, впитывая свежесть и живость ее лица. Ольга открыла глаза, вернувшись в реальность, сняла надоевшие ей балетки и босиком пошла вдоль берега, взглядом позвав Дэниэла с собой.

– И что же ты знаешь, кроме возможных особенностей моего питания? – улыбаясь, возобновил он прерванный разговор.

Ольга недолго подумала, нахмутив брови и насупив нос, вдруг какая-то мысль, проходившая стройным рядом со всеми остальными ее идеями, невероятно развеселила Трубецкую, и та сейчас же решила поделиться ею со своим спутником. Ольга ловким движением босых ножек опередила Дэниэла, встала перед ним, и, сложив пальцы правой руки пистолетом и приставив ипровизированное оружие к груди Дейли, выпалила, улыбаясь и смеясь:

– Пуф! Серебром в сердце – и ты мертв.

Этот каламбур привел ее в настоящий восторг, она радостно смотрела на Дэниэла и ждала ответной улыбки, но лицо его стало еще более каменным, чем обычно.

– Я тоже знаю, как тебя убить, – прошептал Дэниэл, убирая своей рукой ее руку, становясь еще ближе, слегка наклонившись, он прислонил свой лоб к ее лбу.

– Как? – еле слышно вымолвила растерявшаяся Ольга, не поднимая глаз, но и не отстраняясь.

– Вот так, – шепотом ответил Дэниэл, притянув маленькое тело Ольги к своей груди, так что ее губы оказались в считанных миллиметрах от его.

– Ты быстр, силен, вероятно, стар. Сколько тебе? – прищурившись, спросила Трубецкая.

– Уже достаточно, – многозначительно ответил Дейли.

Ольга начала наугад перечислять века.

– Двадцатый век? Деятнадцатый? Восемнадцатый?

Дэниэл ухмыльнулся, вздохнул и, подняв глаза к небу, словно вспоминая что-то давно забытое, сказал:

– 1791.

Ольга сочувственно покачала головой и прочитала строки, которые пришли ей на .

– Ужасно стариком быть без седины,

Он равных не находит. За толпою...

– Идет, хоть с ней не делится душою

И все, что чувствует, он чувствует один, – завершил Дэн и добавил печально, – Я ему говорил, не печатай эти стихи.

Ольга ошеломленно взглянула на спутника:

– Кому? Ты говорил с Михаилом Лермонтовым? И советовал ему печатать или не печатать стихи? Подожди, что ты делал в России? Кто учил тебя русскому? – вопросы сыпались из ее рта, как снег с неба в первые дни января.

– Я жил в России с 1812 по 1840, иногда, конечно, уезжал, но в основном в России. Я даже на похороны его не смог приехать, – Дэниэл говорил вкрадчиво, стараясь не упустить важные детали и удовлетворить любопытство своей спутницы, – После сороковых я еще приезжал, часто приглашался в гости теми, кого ты так неустанно цитируешь. Не только Джек в нашей семье такой начитанный, хотя, без сомнений, он всегда был вхож в литературные круги любого века, а для меня они не представляли никакого интереса.

– Почему ты не говорил, что знаешь русский язык?

– Я знаю семнадцать языков, не думал, что это так важно.

– Семнадцать? – вскрикнула Ольга и задала вопрос, на который хотела наверняка услышать отрицательный ответ, – И на фортепиано играешь?

– Играю, но виолончель люблю больше.

Дэниэл, хотя и заметил некоторую, вернее сказать, сильную реакцию на его историю со стороны Ольги, изо всех сил старался сохранять спокойствие и ровное выражение лица. Как положено военному человеку, Дэниэл был лишен хвастовства и желания каждому встречному - поперечному рассказывать о своих бесчисленных наградах и умениях. Дэниэл Дэйли по натуре своей был похож на дорогой сыр, оставленный в холодильнике на ночь без упаковки, который снаружи он покрывается сухой корочкой, но внутри он остаётся мягким и приятным на вкус. Причина устройства сложной натуры Ольге была отчётливо ясна, и все же природную харизму

и доброту в недавнем знакомом она видеть не хотела, ей было во много раз легче признать в нем горделивого мистера Дарси, хотя из них двоих настоящая гордыня была только у нее.

– Виолончель? – в очередной раз удивленно воскликнула Ольга.

– Мой голос частично пропадает, или ты слова эти слышишь впервые? Почему постоянно переспрашиваешь? – улыбаясь, возмутился Дейли.

– Не смешно!

– Никто и не смеется. Потеря слуха для музыканта – это большое горе, – Дэниэл подмигнул Ольге и снова очаровательно улыбнулся.

Трубецкая простила ему шутку и улыбку, но сама старалась не особенно раскрываться и радоваться обществу Дейли. Между чувством долга и чувствами сердца она привыкла выбирать первое, но скрывать свою симпатию к этому человеку становилось все труднее.

– Почему военный человек вдруг занялся искусством? – продолжила задавать вопросы Ольга.

– Именно от того, что он военный. Офицер по долгу службы обязан знать языки, музицировать, читать стихи, ругать политику государства и любить страну, которую он защищает. Да и вообще, специализация – удел насекомых. А человек должен уметь спланировать вторжение, управлять кораблем, строить дом, работать в команде, справляться в одиночку, запрограммировать компьютер, готовить, петь, танцевать, сражаться, побеждать и проигрывать.

– И какую страну ты любишь? – спросила Ольга, испытующим взглядом посмотрев на Дэниэла.

– Я воевал за Англию против Испании, за Испанию против Франции, за Францию против Австрии, за Россию против Польши, но каждый раз я воевал не за страну и не за политику в ней, а за жизнь, которой должны дорожить глупые люди. Я поднимал оружие против вероломного насилия, против амбиций, перешедших границы. Но как я мог знать, за правду я стою или ошибаюсь? Годами я гонялся за умением определять черные и белые стороны и догнал. Догнал зебру, знаешь, у которой черные полосы и следом сразу белые должны быть, однако нет. Она цветная, как палитра в руках художника. Когда нельзя судить объективно, приходится быть субъективным. Я слушал свое сердце, а когда оно перестало биться, сражался за то, чтобы оно билось у других.

– Расскажешь мне, как это случилось?

– Потом, – тихо сказал Дэниэл, и все его поведение указывало на то, что тему разговора стоит перевести в другое русло.

Ольга это прекрасно поняла и, смахнув тяжесть предыдущего вопроса, задала другой.

– Давно ты играешь на виолончели?

– Только не смотри на меня волком, – предупредил Дэн и, убедившись в спокойствии Трубецкой, ответил, – Я брал уроки фортепиано у Бородина, а на виолончели учился играть с ребятами офицерами в гимназии при каком-то соборе или что там стояло, не помню. Я ходил на вечера «Могучей кучки», Александр Порфирьевич меня пригласил однажды.

– Все-все, хватит, – смеясь, Ольга подняла руки вверх, признавая собственное поражение, – Я поняла, музыкант ты, не я.

– *Amor non est medicabilis herbis.*

– Так, – недовольно буркнула она, ударив кулаком в правое плечо Дэна, – если бы мне было двести лет, я бы тоже могла всякими умными фразами кидаться.

– Да, – хитро протянул он, – но именно поэтому из нас двоих двести лет мне. Я не глупее тебя.

– Хочешь сказать, ты меня умнее? – повышая голос, возмутилась Ольга.

Дэниэл многозначительно посмотрел в ее сторону, подмигнул, но ничего не ответил, а только очаровательно улыбнулся. Ольга в ответ тоже расплылась в улыбке.

– Пора возвращать тебя сестрам, – печально заметил Дейли, и они пошли к машине.

– Можно попросить тебя кое о чем? – пристегнув ремень, спросила Ольга.

– Можно, – кивнув головой, разрешил Дэниэл.

Восторг Ольги вспыхнул легким багряным румянцем на ее щеках.

– Сыграешь со мной? – прошептала она и, затаив дыхание, стала ждать ответа.

– Выбирай произведение.

– "Либертанго" Астора Пьяццолла, – быстро ответила Трубецкая, – Только где нам взять виолончель?

– У меня в студии.

– Звучит как приглашение в гости.

– Правда что ли? – и снова на лице военного появилась эта чарующая улыбка.

Они договорились о следующей встрече в его студии звукозаписи. Дэниэл завел мотор, включил радио и повез возвращать девушку сестрам, как и собирался. Ольга попросила остановить машину за пару кварталов до дома, желая пройтись в одиночестве.

Вряд ли, дорогой читатель, я бы смог выразить свое отношение к тому, что происходило между этими молодыми людьми. Я, к несчастью для своих родителей и своего юриста, не был влюблен или женат, так что едва ли оказывался в подобном положении. И раз я не женат, детей у меня тоже не имеется.

Ольга же думала и думала обо всем этом без остановки, пока ее ноги не привели ее к домашнему саду, перед которым она застыла, как вкопанная. Но причиной ее остановки было столкновение отнюдь не с плетеными ограждениями, а с обретшими плоть воспоминаниями прошлого. Прямо перед домом стояли две фигуры: одна, женская, которую, разумеется, Ольга без труда распознала в сумерках, принадлежала ее старшей сестре, а вторая, мужская, имела неизвестное происхождение. Фигуры вели непринужденную и живую беседу, не слыша шороха и вообще не замечая ничего вокруг себя, так что Ольга сделала пару шагов к ним, стараясь передвигаться как можно тише в этих лакированных туфлях на шпильке. Щурясь и по-гусиному вытягивая шею, она кралась к двум людям, и чем ближе она была к ним, чем громче и яснее становились их голоса, тем ниже падало ее сердце в груди и сильнее кололо в пальцах. Когда ей, наконец, удалось совершенно точно определить имя мужской фигуры, она выскочила перед парой, как выскакивает убийца из-за угла, и в накрывающей ее ярости воскликнула:

– Цхавребов?

Фигуры вздрогнули от внезапного возгласа, обе повернулись в сторону кричавшей. Женя замешкалась, глаза ее округлились на секунду, она машинально развела руками, но тут же соединила их вместе, отчего получился звонкий хлопок. Она подошла к сестре, язык ее тела всеми способами пытался принести извинения за такое происшествие.

– Камелот, ты знаешь, Артур приехал! – шумно выдыхая, полу радостно, полу виновато сообщила Женя.

– Теперь я вижу, – скрестив руки на груди, отвечала Ольга, – а ты знала?

– Да, – протянула сестра виновато и прибавила еще кое-что, но бодрее, – я пригласила его к нам на ужин.

– Правда? – искусно и искусственно улыбаясь, переспросила Ольга, и одна бровь ее поднялась прямо до Сатурна.

– Женя, это совсем не обязательно, – ожила мужская фигура и заговорила чрезвычайно учтиво и приторно (До этого фигура неподвижно стояла, довольствуясь только собственной важностью и сложившемуся положению дел.), – Если Ольга не хочет, я не буду напрашиваться.

– Нет, что ты! – возразила Женя, – Ты совсем не напрашиваешься. Нам всем очень хочется поговорить с тобой, и Джек ждет твоего приезда, он давно хотел познакомиться.

Физиономия его стала еще довольнее, чем прежде. Он сладко улыбнулся двум сестрам, со словами вежливости простился до завтрашнего вечера и сел в приехавшее как нельзя вовремя такси.

– Женя, ты что творишь? – возмущенно спросила Ольга, ухватив за локоть правой руки сестру, которая собиралась совершить побег в собственную спальню.

– Я забыла тебе сказать, – неохотно и немного рассеяно ответила Женя.

– Ты могла забыть мне сказать, что надо кетчуп домой купить, – злым шепотом говорила Трубецкая, все еще удерживая сестру за локоть.

– Кстати, надо.

– Конечно, нам ведь нужно готовить ужин для нашего гостя, – голос ее резко повысился, и пальцы сильнее сдавили руку Жени в районе предплечья, – Хотя, подожди, ты его пригласила, дом твой, следовательно, он твой гость.

– Ольга! – вырвав руку из стальной хватки сестры, прошипела Женя, – Прекрати паясничать.

– Мало того, что ты дружишь с дьяволом, теперь ты хочешь его в дом привести, за стол посадить и накормить. Нет, я не буду убивать свое время нахождением с ним в одном помещении.

– Оля, пожалуйста... – тон ее то и дело перебежал от взрослого и властного к детскому, просящему.

Ольга перевела дыхание и мягко спросила:

– Во сколько ты его пригласила?

Женины глаза загорелись:

– В восемь.

– Отлично, – буркнула Ольга

– Правда? – обрадовалась Женя, что аж немного подпрыгнула от радости.

– Конечно, – сказала Трубецкая, – моя репетиция будет до десяти.

Женя закрыла лицо руками и пошла вслед за уходящей от нее сестрой.

– Ольга, он давно уже не такой.

– Не меняются люди, – в воздухе повисла недолгая пауза, – Джеку ты рассказывала?

Женя смутилась:

– Не все.

– А какой именно момент ты решила упустить? – всплеснула руками и затараторила Трубецкая, – Тот, где он обучал нас боевым искусствам или тот, где он украл, а потом убил свою жену? Женя, зачем он здесь?

– Вот вечером у него и спросишь! Я не стану тебя уговаривать, считаешь нужным – придеешь и будешь ужинать с нами.

Когда все слова были сказаны, тайное стало явным, и каждый остался при своем, свет во всех комнатах дома Трубецких погас, а его жители погрузились в беспокойные сны.

Глава 5.

Но вере теплой опыт хладный
Противуречит каждый миг,
И ум, как прежде безотрадный,
Желанной цели не достиг;
И сердце, полно сожалений,
Хранит в себе глубокий след
Умерших – но святых видений,
И тени чувств, каких уж нет;
Его ничто не испугает,
И то, что было б яд другим,
Его живит, его питает

Огнем язвительным своим.

М. Ю. Лермонтов

Вернемся, мой читатель, к молодому человеку, которого сестры Трубецкие ожидают на ужин. Прежде всего, необходимо описать его наружность. Артур Цхавребов был человеком лет двадцати восьми, высок, строен и собран. На всем его лице лежал отпечаток восточных ген – черные глаза устало горели, а рот постоянно улыбался. Любой из нас спустя пять минут общения с Артуром мог рассказать все о жизни, образе мыслей, складе ума и характере и ему даже не придет в голову, что он был одурачен. Артур – человек редкой структуры, обладая острым умом, неограниченным доступом ко всем жизненным благам, он к семнадцати годам насытился миром людей, стал апатичен и падок на приключения, другими словами, его скука была убийственной. Свою скуку он, как и подобает мужчине, топил в женском внимании. Однако даже большое количество хорошеньких личиков не могло удержать его интерес более трех минут. Но несколько лет назад одна смогла взбудоражить его воображение настолько сильно, что Артур пошел на крайние и крайне веселые, по его мнению, меры. Как звали ту девушку, я, честно, забыл уже, но точно она была из богатой семьи, хороша собой, не избалована и закрыта от всех кутежей. Мать мечтала поскорее выдать ее замуж, чтобы та не мучила ее своими поучениями и вечно задумчивым видом. Тайно Артур пришел к ее матери, просил руки и добился благословения. Но по своей воле невеста не вышла бы замуж, тогда был придуман следующий план – украсть девушку и на несколько месяцев отвезти ее в загородный дом Артура, чтобы та привыкла к будущему мужу. Сказано – сделано! Невеста украдена и поселена в дом. Кто-то говорил, она не разговаривала с ним месяц, а кто-то болтал, что сразу же влюбилась в него. В любом случае, их несколько раз видели в городе вместе, и вид у них был довольно счастливый. Но продлилось счастье недолго, через пять месяцев ее похоронили. Что произошло – неизвестно. Ее нашли без чувств на полу гостиной – отравление. Следствие выдвинуло две гипотезы – ее отравил Артур, самоубийство. Расследование тянулось долго. Только через месяц пошел слух, что девушка была больна раком, мучилась и просила Артура помочь ей все прекратить. Артур, как любящий муж, помог ей и бесконечно страдал. Разумеется, знать, правда это или ложь, нельзя. Через три месяца все обвинения с Артура были сняты.

Ровно в восемь часов вечера Артур появился на крыльце дома Трубецких. Женя встретила его с улыбкой, по-хозяйски показала дом и, конечно, после экскурсии посадила за стол, ломившийся от любых мыслимых и немыслимых блюд. Тут же завязалась оживленная беседа между Джеком, который был рад познакомиться с единственным другом Жени, Юлей и Артуром. Они говорили об обложке *Vogue*, курсе доллара и рубля, связи между издательским делом и спортивными соревнованиями, о своем возможном президентстве, много смеялись, шутили, пили, ели, и громко молчали только об одном – придет ли Ольга на ужин.

– Артур, – обратилась Юля к гостю, когда принесла из кухни круглый серебряный поднос с чем-то, от чего шел невероятно приятный запах, – ты когда-нибудь ел мясо в кисло-сладком соусе? Это блюдо китайской кухни – лучшее, что есть на свете.

Артур открыл рот, чтобы ответить, но его отвлекла хлопнувшая дверь и последующие шуршания и вздохи. «Неужели она пришла» – пронеслось у всех в голове, но никто не осмелился произнести это вслух. Все четверо продолжили раскладывать по тарелкам горячее мясо, делая вид, что ничего не изменилось. И была бы не так плоха их маскировка, если бы кто-нибудь из них издал хоть какой-нибудь звук.

– Всем привет, – спокойно и немного устало произнесла Ольга, скрестив руки под грудью, опираясь плечом на стену, – Смотрю, весело у вас...

Все продолжали молчать, перестали пить и есть. Ольга ухмыльнулась, откинула сумку, висевшую на руке, на кресло и подошла ближе к столу. Женя встрепенулась, ожила и, прочистив горло, спросила:

– Ваша репетиция закончилась?

– Да, мы успели все быстрее, чем я предполагала, – с нескрываемым разочарованием сообщила Ольга, – Нужна моя помощь?

– Нет, мы все уже накрыли, – напряженно улыбнулась Женя, – так что можешь проходить за стол.

Ольга проскрипела стулом о ламинат, села, протянула руку через полстола, чтобы подвинуть тарелку с кальмарами в золотой корочке, наколола на вилку пару кальмаровых колечек и отправила в рот. Все это она делала с огромным удовольствием и была чрезвычайно довольна собой, потому как кроме хруста, исходящего из ее набитого рта, никаких звуков не было. Она один за другим отправляла кальмаров в свой рот, торжественно смотря на всех, собравшихся за столом.

– Здравствуй, Ольга, – по своему обыкновению с небольшой задержкой, но большой степенью произнес Артур (в ответ глаза Ольги округлились, но лишь на секунду), – Что за репетиция? Ты все еще занимаешь музыкой?

– Да, занимаюсь, – с набитым ртом ответила она и без интереса добавила, – А ты чем занимаешься?

– Я тренирую детскую группу, все как раньше.

– Как раньше? – Ольга быстро проглотила кальмара и запила водой, – Кого на этот раз планируешь убить?

– Ольга! – не выдержав, прикрикнула Женя.

– Того, кто задаст мне этот вопрос, – низким голосом произнес Артур, и правый уголок его губ пополз вверх.

– Ты надолго приехал в Лос-Анджелес? – проворковала Юлия своим нежным голосом, подливая вино в бокал гостя.

– Нет, как только соревнования закончатся, мы с ребятами улетим в Лондон.

– Целый тур? – восхитилась Юля.

– Да, они большие молодцы!

– Наверняка, они все также хороши в бою, как их учитель, – Юлия улыбалась и, кажется, вечер был спасен от краха.

– Надеюсь только в бою... – пробормотала Ольга, уплетая что-то из сладкого.

– Оля, ты... – строго заговорила Женя.

– Ты не могла бы нам сыграть что-нибудь? – подхватил Джек, движимый желанием уйти живым из-за стола.

– Нет, я сегодня не в настроении ни играть, ни петь. Спасибо за ужин и за компанию. Доброй ночи.

Ольга встала, вытерла руки и, бросив полотенце на свой стул, вышла из гостиной.

– Я тоже отойду, – сообщил Артур, вставая из-за стола.

– Не стоит, – тихо сказала Женя, но ее уже никто не слушал.

Трое остались за столом. Переведя дыхание, они решили продолжить ужин, на этот раз без нежелательных персон и взрывных элементов.

У лестницы Артур догнал Ольгу, остановил ее и встал на ступеньку ниже, чем она.

– Зачем ты приехал? Тебе снова стало скучно? – тихо и зло спросила Трубецкая.

– Я приехал посмотреть, может, что в мире изменилось, – почесав затылок и оглядевшись, ответил он.

– И как? – изогнув левую бровь, прошипела Ольга.

– Небо все еще над головой, рубль растет, за границей говорят по-английски, – все по-прежнему бессмысленно тоскливо, – печально констатировал Артур.

– Убей кого-нибудь, развеешься, – бросила Трубецкая и собралась уходить, но Артур не дал ей этого сделать, крепко схватив за руку.

– Тебе прекрасно известна правда, – прошептал он, а затем, отпустив руку, уже громким голосом добавил, – но ты вольна называть это как хочешь.

– Скажи мне честно, – умерив свой пыл, сказала Ольга, – зачем ты явился в мой дом, зачем ужинаешь с моей семьей, шутишь и улыбаешься, что ты опять задумал? Что ты молчишь?

– Ты знаешь, зачем, – коротко обозначил молодой человек.

Такой дерзкий ответ поразил Ольгу до глубины души, это было через чур большое количество ошибок и проблем для одной невинной поездки к сестре. Опустив глаза в пол и отмахиваясь, она бормотала:

– Я не знаю, не понимаю тебя и не хочу больше никогда тебя понимать.

– За что ты на меня так злишься? – стараясь поймать ее взгляд, мягко говорил Цхавребов.

– Артур, – строго начала Ольга, – я не злюсь на тебя. Если ты думаешь, что я смогу достать тебя из твоей вечной скуки, то извини и найди себе другую игрушку для забавы.

– Я не ишу забавы, – он покачал головой.

– Просто хочешь развеять скуку, – всплеснув руками, сказала Ольга, – Мне все равно, называй как угодно. Оставь меня.

– Я действительно приехал из-за соревнований, но как только узнал, что вы здесь...

– Что? – воскликнула Трубецкая, – Что произошло? Решил не упустить момента и поиграть еще чьими-нибудь жизнями?

– Я пришел сдержать свое слово, – стойко выдержав все обвинения, пояснил Артур.

– Какое слово? – устало спросила Ольга.

Артур потупил взгляд, немного помолчал, переминаясь с ноги на ногу, и, взяв себя в руки, заговорил:

– Ты просила меня ответить на твой вопрос, и я дал слово ответить правду.

Ольга широко раскрыла глаза в изумлении, почувствовала, как что-то кольнуло слева в груди, и, шумно выдохнув, сказала:

– Это уже не важно. Мне сейчас это не интересно, как, впрочем, и тогда.

Артур хитро сверкнул глазами, увидев небезразличие со стороны собеседницы, ухмыльнулся и продолжил говорить:

– Я безнадежный эгоист, так что я отвечу на твой вопрос, раз уж я нашел на него ответ.

Ольга покраснела от смущения и гнева, охвативших ее.

– А я-то думаю, неужели и, правда, изменился, – иронизировала она, – Нет, все хорошо, показалось!

– Ты спросила меня, зачем я делаю все это, – не обращая внимания на протесты Ольги, говорил Артур.

– На этот вопрос я знаю ответ.

– Рад, что ты умеешь анализировать, прошу не перебивать больше, – уверенным властным голосом сказал Цхавребов и, смотря прямо в глаза Ольге, произнес, – Так вот второй и, в сущности, единственный вопрос твой – любил ли я тебя. Отвечаю – да, любил.

Ноги ее немного подкосились, голова пошла кругом.

– Чтобы ответить на этот вопрос тебе понадобилось три года, – постепенно приходя в себя, говорила Трубецкая, – Не многовато ли? И к тому же, слово «люблю» имеет слишком размытые границы значения. Все проходит и это прошло. Я прошу тебя больше никогда не появляться. Прощай, Артур.

– А отец знает? – в голосе Артура появились тревожные для Ольги нотки.

– Знает что? – осторожно переспросила Ольга.

– Он знает, что его любимая дочь выбрала себе в пару графа Дракулу? – ухмыляясь, отвечал Артур, и тревожные нотки переросли в симфонию подлости и ненависти.

– Прощай, Артур, – оскалившись, выпалила Ольга, а затем скорым шагом прошла до входной двери, открыла ее и указала рукой выход.

Артур скользко улыбнулся, кивнул головой так, словно был опечален таким результатом разговора, и вышел. Из гостиной высунулись три головы, Юлина кудрявая осторожно, как бы мимоходом спросила:

– А... где Артур?

– Ушел, – прошипела Ольга и взбежала по лестнице, направляясь в свою спальню.

Джек Дейли был человеком, что называется, старой закалки, но при этом гармонично вливавшимся в современное общество. Ему легко давались новые технологии, были понятны любые вехи истории, он чувствовал повороты моды, шутки его всегда приходились к месту и были до неприличия смешны. Он строго держался в компании едва знакомых людей, и спокойно и раскованно – с друзьями. Год его рождения не известен, да и не особенно значим, но он был старше, чем двое его братьев. Около пятидесяти лет назад он открыл собственное издательство, будучи сведущим в литературных делах и в бизнесе. Дело это оказалось прибыльным и полезным, со временем Джек оброс нужными связями и сделался влиятельным человеком в этой сфере. Через него проходили почти все начинающие писатели и поэты, некоторым он давал шанс и возлагал большие надежды, а некоторым открыто давал понять, что ничего на этом поприще им не светит.

При первой же встрече с Ольгой Джек пригласил ее на экскурсию в издательство. Стоит заметить, что отношения между ними сложились доверительные и теплые, они могли проводить часы вместе, разговаривая и философствуя. Сегодня настал как раз тот день, когда Ольга и Джек отправились в издательство.

– Мне представляется, – говорил Джек, подходя к дверям огромного здания на одной из центральных улиц Лос-Анджелеса, – что искусство свободно от мнений людей. Все, что над ним властно, все, что определяет его сущность, – это время. «Лицом к лицу лица не увидать», но спустя время, пусть сто лет, пусть пятьдесят, что-то из творений канет в пустоту, а что-то будет ярко гореть в истории. Искусство – живая самостоятельная система, оно само решает, что останется, а что нет.

– Да, но мнения властны над творцом, – разочаровано подметила Ольга, переступая порог издательского дома, – Объективны они или нет, признания добиваются единицы, далеко не всегда заслужено.

– Художник должен быть голодным, – четко отрезал Джек, взмахом руки поприветствовав проходящих мимо сотрудников, – О! – воскликнул он, – Опять он пришел.

Взгляд Дейли остановился на немолодом мужчине, ожидавшем чего-то в приемной. Все двери на этом этаже были стеклянными, так что заметить друг друга не составило бы труда, но мужчина был настолько погружен в свой внутренний океан, что не обратил никакого внимания на людей, появившихся в коридоре.

– Кто он? – с удивлением спросила Ольга.

– Лучший писатель в моем издательстве, клянусь тебе. Ему много лет, он настоящий гений, но всякое его произведение обходится мне в четырнадцать сеансов психотерапии, причем он пациент, а я психотерапевт. В среду ровно в три часа дня он приходит в мой офис, не подход к секретарю, ждет, когда я его сам увижу, я подхожу, спрашиваю у него «Старик, как ты?». Он молчит, и тогда я приглашаю его в свой кабинет, где за чашкой чая он выливает мне всю свою ненависть. Через пару недель приносит книгу, что становится бестселлером, итак книга написана, продажи зашкаливают, успех дышит, а мой приятель в депрессии. Проблема в том, что после каждой книги он все больше и больше тонет в ней, мне трудно открыть его. Может, он такой и есть, но, может быть, может быть.

– Он выглядит уставшим.

– Так и есть, – грустно подтвердил Дейли, – Он не берет денег. Его семья живет в Нью-Йорке, я перечисляю их туда.

– Давно он не живет с ними?

– Его дочери пятнадцать, он ушел, когда ей было пять. Жена все пытается найти другого, даже уже замужем была, но все не то. Он хороший человек, вот только дело всей его жизни губит его. Черт знает, что тут творится!

– Его можно понять.

– Слушай, – Джек вдруг оживился и задергался будто заводная детская игрушка, – давай ты с ним поговоришь?

– Я? – воскликнула Трубецкая, пораженная услышанным, – С чего бы он стал со мной говорить? Мы даже не знакомы.

– Ты прирожденный психолог, знаешь литературу, разбираешься в истории искусств, – Джек хотел продолжить перечислять достоинства подруги, радуясь придуманному гениальному плану, но та его остановила, обрывая любую надежду.

– Нет, определенно.

– Пожалуйста, – голосом ребенка протянул Джек, – Посмотри на него, он как будто бы сидит с табличкой «Ольга, поговорите со мной, умоляю, а то я сброшусь с крыши, и мой приятель и (представьте, какое совпадение!) хозяин издательства останется без лучшего писателя этой страны». Так достаточно убедительно, чтобы твое «определенно нет» превратилось в «определенно да»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.